

**МОРСКОЙ
СПЕЦНАЗ**

СЕРГЕЙ ЗВЕРЁВ

**ЭКСТРЕННОЕ
ПОГРУЖЕНИЕ**

МНОГО ЧИТАЕШЬ? ПОДАРОК ПОЛУЧАЕШЬ!

Читай внутри условия акции-2011!

Сергей Иванович Зверев

Экстренное погружение

Серия «Морской спецназ»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=633325

Экстренное погружение : роман / Сергей Зверев: Эксмо; Москва; 2011

ISBN 978-5-699-49668-6

Аннотация

С российской арктической буровой установки поступил сигнал бедствия, а затем связь с ней прекратилась. На помощь бурильщикам отправляется подводная лодка. Одному из членов ее команды – майору Дроздову – поручено разобраться с ЧП на месте. Буровая установка – объект особой важности. Полярники, по всей видимости, добыли образцы грунта, доказывающие, что на шельфе есть нефть. А эта информация попадает под гриф «Совершенно секретно» и автоматически становится объектом охоты зарубежных спецслужб. Худшие предположения Дроздова подтверждаются – трагедия произошла по чьему-то злому умыслу. Но кто совершил теракт? Злоумышленника надо как можно скорее вычислить и обезвредить...

Содержание

1	4
2	7
3	10
4	18
5	25
6	30
7	37
8	41
9	47
10	56
11	59
12	65
13	67
14	74
15	76
16	85
17	91
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Сергей Зверев

Экстренное погружение

1

Майор ГРУ Андрей Викторович Дроздов внезапно проснулся в шесть утра. Ему приснилось, что он снова в кубрике, в привинченной к стене койке, и лишь через несколько минут он понял, что находится у себя в спальне рядом со спящей Зиной.

Андрей лег на спину, уставившись в потолок, и стал размышлять. Когда он погружался в себя, его лицо застывало, глаза устремлялись в одну точку, а движения и жесты замедлялись, словно он внутри себя включал кнопку автопилота. Все знали, что в такие моменты его мозг работает над решением какой-то важной проблемы и ему лучше не мешать. Среди тех немногих, в ком он нуждался, были в основном его товарищи по работе. Вместе с ними майор изоцрялся в решении сложнейших интеллектуальных задач, будь то математические головоломки или стратегические проблемы международного терроризма. Единственное, что не принимал его мозг, – это глупейшие сканворды с кроссвордами, где от человека не требовалось ничего, кроме памяти, да и то в ограниченной области модных словечек.

Майор размышлял о своем последнем задании на Балт-флоте. Все ли сделано, как намечалось? Кажется, у командования никаких претензий. Иначе бы не дали «добро» на отпуск. Заявление со вчерашнего дня лежит в канцелярии. Зина хочет в Крым. Что ж, почему бы и не махнуть, порадовать, так сказать, подругу... Только даст ли «добро» второй отдел? Все-таки какая-никакая, а заграница...

Неожиданно в дверь позвонили. Осторожно, стараясь не разбудить жену, Андрей встал с кровати и пошел открывать. В коридоре стоял незнакомый посыльный.

– Командующий просит вас прибыть в восемь тридцать, – он протянул пакет с приказом.

– Хорошо, сейчас соберусь.

– Что-нибудь серьезное? – сонно спросила Зина, когда он, вернувшись в комнату, потянулся к аккуратной стопке одежды, сложенной на стуле.

– В штаб...

– О боже! – недовольно сказала она. – Начинается... Не могут дать человеку нормально отдохнуть! Когда ты вернешься?

– Скоро, – ответил он, натягивая брюки. – Постараюсь к обеду.

– Ужас! – не выдержала она. – Ты ж только с задания...

– Я должен...

– Ты должен всем, только не мне! – В ее голосе слышалась обида.

Уже стоя в прихожей, он крикнул, набрасывая шинель:
– Я позвоню, – и закрыл дверь.

2

Стоя возле контрольно-пропускного пункта у входа в штаб-квартиру ЦРУ, майор Королевских ВМС Британии Эндрю Стивенсон с интересом смотрел на девиз, начертанный на воротах: «Истина делает нас свободнее».

Он сам себе говорил это по несколько раз на день, будучи уверенным, что главное в жизни – докопаться до истины, этого маленького фрагмента бытия. Когда ему удавалось сделать это, он чувствовал в своей душе гордость – чувство, которое одновременно и льстило его самолюбию, и заставляло где-то в глубине души испытывать нечто, напоминающее стыд, поскольку было сродни гордыне.

Высокий, жилистый, с энергичным подбородком, он пользовался уважением коллег и вниманием начальства.

Майор был в темных парусиновых брюках и светло-голубой рубашке с короткими рукавами. Единственным его украшением были массивные часы «Ролекс» на толстом золотом браслете. Он не был человеком, придающим большое внимание своему внешнему виду. Главным для него всегда была работа.

Пройдя проверку на КПП, он направился прямо к девятиэтажному зданию аналитического центра. Офис заместителя директора разведки по аналитике занимал три секции на верхнем этаже здания. У двери, возле которой располо-

жился охранник, висела табличка с надписью «Depdiranal».

Окна в коридоре выходили на заросшую вековыми ивами долину Потوماка. У Стивенсона была возможность взглянуть на нее, пока охранник проверял его документы.

– Хэлло, мистер Стивенсон! – Секретарша с любопытством посмотрела на него – ей нравился этот крепкий и суровый мужчина.

– Здравствуйте, миссис Конэген.

Нэнси Конэген работала в ЦРУ со времен Гувера и, сказать по правде, заслужила свое место не столько мозгами, сколько иными своими способностями, о которых можно было догадаться по ее внешности, сохранившей следы былой красоты. Теперь, состарившись и потеряв былую привлекательность, она компенсировала эти качества похвальным усердием, утешая себя поговоркой «Боссы приходят и уходят, а толковые секретарши остаются». Ей хотелось поговорить со Стивенсоном, но, зная, что такие разговоры здесь не приветствуются, какое-то время она молчала.

– Как отдохнули? – наконец не выдержала она. – Майами?.. Гавайи?..

– Бали, – односложно ответил Стивенсон. Ему не хотелось связываться в ненужный разговор.

– Ах, – мечтательно сказала Нэнси, – как бы я хотела там позагорать!

– Слишком жарко, – заметил Стивенсон, чтобы не выглядеть совсем уж невежливым.

– Ничего, – Нэнси заговорщицки подмигнула, – скоро будете мечтать о жаре... – Она хотела продолжить, но в этот момент зажглась зеленая лампочка на столе. – Проходите. Шеф ждет вас.

– Спасибо, миссис Конэген. – Он приблизил зрачок к сканеру иридодиагностического контроля, расположенному на двери на уровне его глаз, замок щелкнул, и Стивенсон вошел внутрь кабинета.

3

Начальник морского направления ГРУ контр-адмирал Виктор Алексеевич Григорьев сидел в своем просторном кабинете под огромным портретом Ушакова, с которым имел явное сходство. Оба были розовощеки, курносы и ушасты, только вместо парика на голове у Григорьева была короткая стрижка.

– Ну, как? – Адмирал встал, сграбастал Дроздова за плечи и повел к столу. – С бабой расчихался?

Усадив майора в кресло и обойдя стол, он плюхнулся в кресло напротив.

Какое-то время оба молчали.

– Жа-а-аль, – протянул адмирал, – жаль портить тебе отпускное настроение...

Хотя Лицо Дроздова осталось непроницаемым, он внутренне напрягся, поняв, что отпуска не получится, и огорчившись от этого. Сам он не любил долгих перерывов в работе – только расхолаживаешься, четкий механизм службы начинает давать сбои. Но Зина?!

Он непроизвольно забарабанил пальцами по столу.

Увидев это, Григорьев встал.

– Кофе будешь? По-морскому?

Андрей молчал. Приняв это за согласие, адмирал кивнул.

– Сейчас принесу кипяток... – Выйдя в соседнее помеще-

ние, он через некоторое время вернулся с двумя чашками кофе – была суббота, и секретарша отсутствовала.

– Ну так вот, – начал он, когда Дроздов, взяв кружку, отхлебнул слегка солоноватый кофе, – речь пойдет о нашей самой северной в мире ледовой буровой «РосАрктика». Слышал о такой? Три дня назад оттуда пришел сигнал SOS, на буровой возник пожар. Положение уцелевших исключительно тяжелое. Запасы горючего уничтожены полностью, продовольствия мало. В ближайшее время ожидается понижение температуры до 50 градусов. Неизвестно, сохранились ли домики.

Адмирал подошел к висевшей на стене карте Северного Ледовитого океана и ткнул в нее коротким прокуренным пальцем.

– Они, по приблизительным расчетам, находятся здесь – 85 градусов 40 минут северной широты и 121 градус 30 минут восточной долготы, где-то в 300 милях к востоку от Северного полюса. Точное местоположение не установлено из-за непрерывного дрейфа льдов. За последние тридцать часов и спутники, и наши самолеты вели непрерывные поиски буровой. Однако все без толку. Полярная ночь, пурга и все такое... Теперь мы посылаем туда подводную лодку. – Он посмотрел на Дроздова поверх края чашки.

Повисла пауза. Майор понимал, что его вызвали совсем не для того, чтобы посоветоваться, и терпеливо ждал продолжения. Но его не последовало.

– Не понимаю, при чем здесь я, – нарушил он тишину. – Я не специалист по космической навигации. Это дело МЧС...

– Ты обожди, ты послушай...

Внезапно замигала зеленая лампочка на пульте управления. Адмирал снял трубку.

– Да, что там еще? – недовольно сказал он.

– Дежурный офицер, – прохрипела трубка, – говорит, что срочно.

– Пропустите.

– Мне выйти? – спросил Дроздов.

– Остайся, – махнул рукой адмирал. – Это касается и тебя.

Вошел дежурный офицер с погонями капитан-лейтенанта.

– Новые сведения о буровой, товарищ адмирал, – доложил он. – Кажется, мы ее засекли.

– Что значит «кажется»? – резко спросил адмирал. – Вы не могли бы точнее?

Лицо молодого каплея было озабочено, даже встревожено.

– Мы сравнили данные, полученные траулером «Морозов», о координатах неизвестного радиоисточника, с данными от «Ту-95» на 7.00 сегодня. Они сходятся. Вот данные радара... Мы подозреваем, что это буровая. Она была единственной в этом районе. Но сигнал был слабым и коротким.

Адмирал бросил взгляд на часы.

– Та-а-к, – протянул он. – Прошло менее часа... Слава бо-

гу, хоть какой-то след... Значит, они еще держатся... Больше никаких версий?

– Единственное объяснение, товарищ адмирал, – вытянулся каплей.

– Что с шифровкой для буровой?

– Мы повторяем ее каждые полчаса по спутниковой связи. Если у них работает приемник, они не могут не слышать.

– Может, рация накрылась? Какой там у них источник питания?

– Дизель-электрический генератор, – пояснил капитан. – Возможно, экономят батареи, используют только в крайнем случае. Есть еще и ручной генератор, но у него ограниченные возможности.

– Ну, ладно, – вздохнул адмирал. – Дайте мне знать, если еще появится что-нибудь.

Когда каплей направился к двери, адмирал подошел к карте, занимавшей всю заднюю стену помещения.

– Значит, отсюда, – он ткнул прокуренным пальцем в точку на границе Восточно-Сибирского и Чукотского морей. – И сколько они могли за это время продрейфовать? Миль тридцать?.. Местоположение сильно меняется: на полярные льды влияет вращение Земли, и они медленно двигаются к западу. – Он указал на полюс недоступности в двухстах километрах восточнее магнитного. – Пока мы направим туда «тушки», они уйдут еще дальше. Гребаный полюс и гребаная погода!

Майор продолжал задумчиво смотреть на карту.

– Подойди-ка, – позвал его адмирал. – Где они могут быть?

Дроздов подошел ближе.

– Слишком большой район, – майор одним взглядом оценил площадь акватории. – А датчики джи-пи-эс там есть? Или хотя бы Глонасс?

– Были, конечно. Только после пожара какие там датчики...

Наступило молчание, в течение которого они разглядывали карту Северного Ледовитого океана. Их взгляды почти одновременно остановились на полюсе недоступности, помеченном крестиком.

– А американцы? – спросил майор. – Могут они помочь?

– Возможно... У них есть и лодки, и самолеты в этом районе.

– Тогда надо предупредить их.

– Каким образом?

– Ну, не знаю... Через МИД... Президента...

Адмирал задумался.

– Черт возьми, из-за одной буровой тревожить президента! – он покачал головой. – Только этого нам не хватало... Да и не хотелось бы ставить всех в известность.

– Это почему?

– Ну, во-первых, там нашли нефть. Сообрази, какой ажиотаж начнется, когда об этом узнают наши конкуренты. Во-

вторых – хотя эта нефть и лежит на арктическом дне за пределами установленной двухсотмильной береговой зоны, но буровики нашли доказательства, что само это дно является продолжением нашего континентального шельфа. Ну, и наконец, в-третьих, у нас есть основания считать, что этот пожар – не несчастный случай...

Дроздов вскинул брови.

– Вот как?

– Понимаешь, слишком все странно. Домики из негорючих материалов, между ними противопожарные разрывы, кругом снег... И вдруг – в одну секунду огонь уничтожил все! Будто на торфяниках в Подмосковье... Даже в голове не укладывается.

– Вы думаете – поджог?

– Вполне возможно. На наши арктические пространства, сам понимаешь, сколько охотников. – Адмирал стряхнул пепел в хрустальную пепельницу. – Ну, Канада с Америкой – это понятно. Но ведь еще и Норвегия с Исландией, Англия с Ирландией... Представляешь, даже сраная Дания зарится на том основании, что ей принадлежит этот замерзший кусок дерьма – Гренландия. Все надеются, что скоро там наступят чуть ли не тропики...

Адмирал встал, затушил сигарету в пепельнице и решительно одернул мундир.

– Тебе надо отправиться с лодкой! – сказал он напористо, как об уже принятом решении.

Хотя Дроздов был готов к этому, однако не удержался и с резким стуком поставил чашку на стол.

– Да вы что? – вырвалось у него. – Почему я?

Лицо командующего перечеркнула недовольная гримаса.

– Ну, ты это, не очень-то... Твоя кандидатура, считай, уже согласована с командованием... Ты же бывал в Арктике?

– Да ерунда все это! – горячо возразил Дроздов. – Не мое это дело.

Брови командующего недовольно поползли вверх.

– Ты обожди, ты послушай... – заговорил он. – Знаешь, кто там начальником, на буровой? Холмогорский. Надеюсь, тебе эта фамилия известна?

– Женька? – удивленно переспросил Дроздов. – Евгений там?

Мысли Дроздова тут же перенеслись к Евгению Холмогорскому. Они вместе заканчивали академию Генштаба, и хотя пути их потом разошлись, сохраняли теплые дружеские отношения.

– Ну вот, – обрадовался адмирал, заметив его колебания. – Вот и договорились.

Майор подошел к окну и стал смотреть на серые хлопья снега, летящие в загустевшей тьме, словно пытаясь разглядеть где-то там, вдалеке, жалкую кучку людей, обреченно дрейфующих к гибели.

– Жена подаст на развод, когда узнает, – невесело улыбнулся он.

– Вали все на меня – я привык с женами... – Адмирал тоже усмехнулся. – Что ж поделать – у «грушников» такая жизнь. Давай торопись, «Гепард» уже отчаливает. Не забудь теплые вещи – идешь к полюсу. – Григорьев протянул ему руку. – Ну, удачного плавания! И запомни, сейчас от тебя зависит, выиграем мы битву за Арктику или нет.

Заместитель директора ЦРУ по аналитической работе вице-адмирал Джеймс Григ, Человек-гора, как прозвали его сотрудники, со снежной вершиной из седых волос и тремя подбородками, свисающими на грудь, сидел в своем кресле с высокой спинкой и читал какую-то бумагу, отодвинув ее как можно дальше от глаз. Он старался не носить очки, чтобы никто не разглядел в этом факте свидетельство приближающейся старости. Его огромный полированный стол из красного дерева был завален пластиковыми папками с блестящими металлическими замками и надписями «совершенно секретно». Начищенный до блеска пол сиял так, что в него можно было смотреться, как в зеркало.

– Хэлло, майор, – приветствовал Стивенсона адмирал, вставая со стула и с широкой американской улыбкой оглядывая его. – Отдохнул, загорел... Кофе налить?

Стивенсон лишний раз позавидовал умению американцев держаться раскованно в любых ситуациях. Какой британский генерал стал бы общаться в подобной манере с майором?

– Да, спасибо.

Дэвид Джеймс Григ всегда требовал от всех сотрудников не столько безусловного подчинения, сколько всеобъемлющей компетенции, граничащей с полной энциклопедично-

стью. Однако несмотря на это все признавали, что работать с ним легко. Это был работяга, мустанг, тянущий огромный воз аналитической работы, в результате которой горы фактов превращались в золотые слитки выводов. Весь его вид – круглое загорелое лицо, коротко подстриженные седые волосы, выцветшие голубые глаза – говорил о том, что большую часть своей жизни он посвятил морю. И это было действительно так. Придя в разведку юным птенцом из флота, он затем закончил Академию Генштаба в Ньюарке и сорок лет работал на звездно-полосатый флаг Дядюшки Сэма, сначала в качестве командира разведывательной подлодки, а затем перейдя на штабную работу в ЦРУ. Григ был требовательным, но заботливым шефом, особенно по отношению к тем, кого уважал. Майор Эндрю Стивенсон относился к последним.

К огорчению Стивенсона, обещанный кофе, как и следовало ожидать, оказался обычным кофейным напитком, к тому же с сильной примесью морской соли, которую адмирал специально добавлял в воду для вкуса. Он сам наполнил чашку с отверстием в ручке, предназначенным, по-видимому, для крепления ее к корабельной переборке. И кофе, и кофемолка стояли сзади него на старинном резном серванте викторианской эпохи, куда адмирал мог достать, просто повернувшись в кресле.

– Голоден, Эндрю? – Григ открыл верхний ящик стола. – Посмотрим, что тут нам приготовила старушка Нэнси.

Он достал два сэндвича и протянул один майору.

– Спасибо, я после самолета не ем, – Стивенсон сделал отрицательный жест рукой.

– До сих пор не любишь летать? – Григ сочувственно посмотрел на него.

Стивенсон с чашкой в руке опустился в кресло напротив адмирала.

– Перестал любить после Афганистана. Поезд предпочтительнее. Всегда можно спрыгнуть.

Адмирал засмеялся.

– А как насчет того, чтобы прокатиться на подводной лодке?

– На север? – Стивенсон вспомнил брошенные в приемной слова секретарши о том, что скоро он будет жалеть о жаре.

– Как ты догадался?

Майор спохватился, что тем самым, сам того не желая, выдал Нэнси, но смолчал. По выражению его лица Григ догадался сам.

– Старая кукла! – воскликнул он. – Слишком много болтает. Интересно, сколько еще людей знает о том, что я интересуюсь Арктикой? У старушки чересчур длинный язык, я позабочусь о нем. Ведь ты знаешь – упущенные сведения распространяются в геометрической прогрессии. Но, в общем, она права – я хотел бы, чтобы ты отправился к полюсу.

– Зачем? – напрягся Стивенсон.

– Сейчас там идут поиски пропавшей русской буровой ле-

дового класса.

– Буровой? – переспросил Стивенсон. – Что они там делали?

– Поисковые скважины! – многозначительно сказал Григ. – Нефть, конечно, искали. И даже, похоже, нашли.

Майор с подозрением посмотрел на адмирала.

– Откуда вам известно? Об этом, кажется, нигде не сообщалось...

– Русские вообще никогда не спешат делиться своими секретами с кем бы то ни было. Поэтому пришлось принять меры. Мы получили это известие из нашего источника. Давай-ка пройдемся. Здесь недалеко...

Встав, Григ направился к двери. Развернувшись на носках, майор последовал за ним в соседнюю комнату.

В просторном тамбуре за дверью морской пехотинец проверил документы Стивенсона и, козырнув, пропустил внутрь. Это было самое секретное место в здании. Сотрудников, имеющих право на вход в него, можно было пересчитать по пальцам. Тех, кто знал о его существовании, было не больше.

Пройдя через тамбур, они очутились в огромном помещении, всю заднюю стену его занимал громадный плазменный экран, возле которого за мерцающими мониторами сидели дежурные офицеры. Это был Центральный командный пункт – всеми операциями на всех двенадцати флотах американских ВМС руководили отсюда. Три каперанга подня-

лись при их появлении.

– Ну что? – спросил адмирал.

– Как корова слизала... – ответил один из каперангов, маленький, усатый, по-видимому, старший в команде. – Мы можем найти болт, гайку, если, конечно, они лежат на месте, а не дрейфуют...

– Познакомьтесь, это майор Стивенсон, – адмирал кивнул в сторону майора. – Он поможет в нашей работе. Надеюсь, не надо объяснять, что ни одного слова не должно выйти из стен этого кабинета?

Стивенсон молча кивнул.

– Итак, что мы имеем? – начал адмирал. – У нас есть русская буровая, сумевшая взять со дна океана чрезвычайно важные для нас образцы грунта. Связь с буровой потеряна. Спутники невозможно задействовать из-за разыгравшейся там непогоды. Русские направили на ее поиски ледокол и подлодку. Мы должны найти буровую раньше.

Усатый каперанг вставил лазерный диск, и на экране монитора появилось изображение Северного полюса.

– «Индепендент» – западнее Ян, Майена с двумя кораблями сопровождения, – начал объяснять он, – «Эйзенхауэр» милях в двухстах восточнее. Слишком далеко для вертолетной разведки. Еще два наших противолодочника около острова Медвежий, поэтому от них пока никакого толку. Правда, три наших сторожевика находятся в Норвежском море. У всех приказ искать буровую.

– Что в воздухе?

– Один «Авакс» барражирует вдоль наших полярных границ, второй – на барьерном патрулировании между мысом Нордкап и Шпицбергенем. Мы могли бы их задействовать, если бы точно знали, где искать.

Адмирал недовольно поморщился.

– Это я и сам знаю, – он повернулся к Стивенсону. – Что думаешь, майор?

– Здесь есть карта? – вместо ответа спросил Стивенсон. – Я как-то не привык к таким экранам.

Усатый каперанг пошарил в своем ящике и вытащил двухкилометровку. Стивенсон взял линейку и прикинул расстояние по карте. Он подумал, что, пожалуй, ни одна другая карта мира не выглядит так обманчиво по сравнению с реальностью, как карта Арктики.

– Что конкретно я должен сделать?

– Нельзя допустить, чтобы образцы грунта достались Советам. Для этого, считай, тебе выдается карт-бланш. Понимаешь, что это значит? Надо первыми добраться до буровой, тогда образцы окажутся в наших руках. Если же нет... В общем, как поступать в этом случае, мы еще подумаем. Но это в общих чертах. А конкретное задание получишь на лодке. Для этого держи частоту 1283 мегагерц на своем айфоне постоянно свободной. Я не ставлю тебя в известность прямо сейчас, конечно, не потому, что не доверяю. Просто ты неумышленно, с самыми лучшими намерениями можешь

повлиять на исход операции. А сейчас главное – не терять времени. Когда сможешь отчалить?

– Как только получу теплую одежду...

Адмирал повернулся к усатому:

– Срочно подготовьте самолет – майор летит в Анкоридж. – Он протянул Стивенсону руку: – Ну, удачной поездки! И запомни, если что – действуй решительно.

5

Был поздний вечер, когда атомная подводная лодка «Гепард» уходила на задание. Заходящее солнце окрасило в розовые цвета заснеженные вершины сопки, и только главная сопка Песчаная завернулась в пурпурную мантию. Погода как бы остановилась. Уже второй день стоял мороз, и схваченные холодом свинцовые волны глухо шлепали по бокам лодки. Однако темные тучи на горизонте предупреждали о том, что Баренцево море всегда сурово, даже если оно замерзает.

Стая серых чаек качалась на волнах рядом с «Гепардом». Время от времени одна из них запрокидывала к небу голову и кричала: «Кья, кья, кья?» как будто спрашивая: «Куда, куда, куда?»

– Куда надо, – негромко сказал старший помощник командира «Гепарда» Владимир Владимирович Тяжкороб, полный крепкий мужчина добродушного вида, который стоял на причале, покуривая, возле трапа, ведущего на лодку. В его обязанности входило проверять номенклатуру грузов, доставляемых на лодку.

Стратегический атомный подводный ракетоносец «Гепард» предназначался для действий по крупным военным центрам и городам противника. Он имел водоизмещение 35 тысяч тонн, длину 150 метров, ширину 24, максимальную

скорость надводного хода 35 узлов и 30 узлов под водой. Вооружение лодки, помимо шести торпедных аппаратов, состояло из 24 новейших ядерных ракет «Булава», принятых на вооружение в этом году. И если бы материки, всякие там Евразии и Америки, имели б глаза, они бы цепенели под пристальным взглядом ее боковых иллюминаторов.

Навстречу старпому двигалась команда матросов в черных рабочих робах. На фоне залитого светом прожекторов снега они были похожи на призраков. Каждый был с поклажей – некоторые тащили деревянные ящики, у других в руках были упакованные тюки. Старший команды – капитан третьего ранга – остановился рядом со старпомом.

– Что за дикая дивизия? – Тяжкороб пожал ему руку. – Кавалерия, что ли? На подводников не похоже.

Каптри поморщился – наверно, потому, что выпил сегодня меньше стакана.

– С продсклада, – он протянул накладную.

– В первый тащи... – сказал Тяжкороб, просмотрев накладную. – А это – в трансформаторную...

Матросы по очереди стали подниматься по трапу к рубочной двери. Вскоре Тяжкороб вновь оказался на причале один.

Он много раз прощался с берегом, и у него вошло в привычку неосознанно отмечать про себя явления, которые можно было считать счастливыми приметами. Один раз это было необычно яркое полярное сияние, в другой – малень-

кий попугайчик, неизвестно как выбравшийся из клетки и прилетевший на огонек... Кроме того, старпом считал своей обязанностью строго следить за соблюдением обычаев – не плевать в воду, не разговаривать с крановщицами, не свистеть на палубе.

– Рукавишников! – внезапно гаркнул Тяжкороб, увидев матроса, который пытался прошмыгнуть мимо него с пластиковым пакетом в руке. – Стой, твою мать! Что там?

– Спирт, – неохотно пояснил матрос, остановившись.

– То-то я смотрю, ты так торопишься... – Тяжкороб посуловел. – Почему без накладной?

– Да тут, Владимир Владимирович, – замялся матрос. – Извиняюсь, товарищ старпом... понимаете...

– Найти и доложить! Пять минут даю!

– Есть пять минут доложить!

Матрос хотел развернуться и уйти, но голос командира остановил его.

– Тащи это к доктору. Хотя нет... Отставить к доктору! Давай ко мне...

В этот момент рубочная дверь лодки открылась, и в ней показался высокий стройный офицер в черной флотской шинели с погонами капитана второго ранга. По трапу он спустился к старпому. Это был командир БЧ-4, боевой части, отвечающей за связь, кавторанг Зубринский.

– Срочная радиограмма, товарищ старпом.

Продолжая удерживать в поле зрения все, что творилось

на причале, старпом повернулся к нему.

– Срочная? – подозрительно переспросил он, не спеша принимать радиограмму. Сейчас любое сообщение с берега означало для него получение какого-то нового приказа, а значит, появление новых проблем ему на голову. – Почему не Грубозабойщикову?

– Спит, – понизив голос, сообщил кавторанг. – Только прилег. За последние сутки не ложился.

– Это я и сам знаю... – Тяжкороб с недовольным видом взял листок бумаги. – Вон оно что... – присвистнув, сказал он, прочитав текст. – Слышь, Диман, к нам едет ревизор.

– Инспектор? – заинтересованно переспросил Зубринский. – Только этого не хватало.

Ему, очевидно, не хотелось возвращаться в душную тесноту подлодки. Достав пачку сигарет, он предложил одну Тяжкоробу.

– А вообще, куда мы идем, Володь?

– А леший его знает, – сделав равнодушный вид, отозвался старпом.

– Разве перед выходом тебя не инструктировали в штабе?

– Инструктировали... Так... в общих чертах... – Старпом тщательно подбирал слова. – Сказали искать какую-то ледовую буровую. Очертили район в океане, а как мы туда доберемся – это наше дело.

– Нам что, не дали точных координат?

– Сказали – передадут, когда будем в море. Главное – как

можно быстрее прийти туда.

– Странно, что ты ничего не знаешь. Ты же второй человек в команде.

Тяжкороб пригладил короткую курчавую растительность на подбородке, которую он называл бородой.

– Не брызгай... Наше дело – выполнять приказы. Не можешь подчиняться – иди в ВВС, – он попытался выдавить из себя улыбку.

Зубринский затянулся глубже.

– Теперь еще этот инспектор... – он явно огорчился. Его лицо выглядело расстроенным. – Придется Грубозабойщикову поделиться властью.

Старпом бросил на него быстрый взгляд.

– Я не первый год знаю Грубозабойщикова, – убежденно сказал он, стукнув Зубринского по плечу. – У него особо не покомандуешь.

– Он хороший моряк? – Кавторанг был назначен на лодку незадолго до похода – прежний слег в больницу с аппендицитом.

– Хороший? Это я хороший... Он – отличный. Поезжай на любой флот, выйди на любой пирс, спроси любого подводника, знает ли он Грубозабойщикова? «А как же!» – другого ответа, уверен, не будет.

6

Сразу из Видяевского аэропорта майор Дроздов направился в порт. Возле КПП вышел из машины. Несшийся с моря студёный ветер ударил в лицо. Отпустив шофера, майор направился к причалу пешком.

Стемнело. Сразу за воротами открылся широкий вид на длинную березовую аллею, поросшую чахлыми деревцами и ведущую к причалу. Отсюда, сверху, вся бухта выглядела как большое, залитое лунным светом озеро, по берегам которого застыли сонные рыбины – подводные лодки с плавниками-рубками на спинах. Пахло чем-то острым, соленым, озонистым. Андрей догадался, что это пахнет одновременно берегом и морем, маслянисто плескавшимся вдаль.

Оказавшись возле длинной бетонной дамбы, майор увидел вдаль освещенный прожекторами и опутанный сетью проводов и шлангов большой черный силуэт лодки. Это была первая АПЛ, которую он видел. Формой она напоминала огромный батон хлеба с тупообразным носом. Палубы как таковой не существовало, борт и носовая часть корпуса закруглялись. Отнесенная метров на тридцать от носа мощная рубка, похожая на поднятую над водой голову удава, вздымалась на шесть метров над корпусом. По бортам посередине рубки под прямым углом торчали откиннутые назад стабилизаторы. С причала доносились скрип механизмов, лязг

машин, визг лебедек, время от времени перебиваемый громкими криками: «Майна!», «Вира!», «Левей!», «Правей!».

– Майор Дроздов? – Стоявший рядом с трапом вахтенный в шинели с погонами капитана третьего ранга вытянулся при его приближении. – Давно вас ждем. Как добрались?

В тонком плаще поверх костюма Дроздов чувствовал, как под ветром его тело покрывается гусиной кожей.

– Прошу за мной...

Повернувшись, вахтенный направился по трапу. Майор стал спускаться следом за ним.

– Осторожней. Тут скользко, – предупредил моряк.

Не желая очутиться в ледяной воде, Дроздов ухватился за поручень. Миновав брезентовый тамбур, по крутому трапу они спустились вниз и оказались в сверкающем чистотой машинном отсеке, битком набитом выкрашенными в серый цвет механизмами, панелями приборов и освещенном светодиодными лампами – детищем госкорпорации «Нанотехнологии».

– Проходите.

Они беззвучно зашагали по черному обрезиненному покрытию палубы, минуя торчащие на пути огромные турбогенераторы. Моряк ловко переходил из отсека в отсек. Плавным поворотом рукоятки он открывал дверь, ловко проносил в нее сначала руки и одну ногу, потом упруго отталкивался и тут же скрывался в следующем отсеке.

Новое нагромождение приборов, дверь, за нею очень уз-

кий проход длиною метров десять. Когда они шли по нему, Дроздов почувствовал легкую дрожь под ногами. Где-то там, должно быть, размещалось ядерное сердце «Гепарда».

На другом конце прохода, ведущего от центрального поста к носовой части корабля, виднелось еще одно помещение, отделенное переборкой. Что там находилось, у Дроздова не было времени разобраться. Вахтенный стремительно двинулся в проход, остановился у первой же двери слева и постучался. Дверь распахнулась, и перед ними возник офицер с погонами капитана первого ранга. Каперанг был небольшого роста, с обветренным лицом, светлыми волосами и такими же усами, чем-то неуловимо напоминая артиллерийского капитана Тушина из фильма «Война и мир».

– Ага, вот и вы. Я командир лодки – Владимир Анатольевич Грубозабойщиков. – Командир смотрел на Дроздова взглядом повара, прикидывающим на вес новый ингредиент для блюда. – Снимаемся в шесть тридцать, Дмитрий... – это уже вахтенному. – Успеете?

– Смотря как пойдет дело с погрузкой торпед, товарищ командир.

– Берем с собой только семь.

Вахтенный поднял брови.

– Сразу в аппараты?

– Нет, пока на стеллажи. Пусть отдохнут. Над ними еще надо поработать.

– Запас не берем?

– Нет.

Кивнув, вахтенный удалился. Грубозабойщиков пригласил майора в каюту и закрыл за собой дверь.

Складная койка, крохотный письменный стол со стулом, сейф, несколько контрольных приборов над койкой – настоящий стенной шкаф. На единственном стуле сидел крупный моряк в черном мундире с погонами капитана второго ранга.

– Андрей Викторович, – сказал Грубозабойщиков. – Знакомьтесь – мой старший помощник.

Поставив на стол стопку, Тяжкороб поднялся со стула и протянул майору руку.

– Рад познакомиться. – Он потянулся за новой стопкой на полку. – Это дело надо отметить.

– Я полагал, на подлодках не пьют.

– Разве что из медицинских соображений. – Достав с полки стопку, старпом наполнил ее бесцветной жидкостью из объемистой фляжки. – За знакомство. Надеюсь, мы отыщем этих бедолаг. Но шанс на успех – один из тысячи.

– Мы найдем их, – твердо сказал Дроздов, принимая стопку. – За успех нашего дела...

Одним глотком он выпил спиртное.

– Откуда такая уверенность? – Грубозабойщиков помедлил, прежде чем выпить. – Вы что, ясновидящий?

– Нет, но задание надо выполнить.

– Валы текут, рули люфтят...

– Подтянем в море.

– Подтянем... – скептически повторил командир, опрокидывая спиртное в рот. – Уверяю вас, плавать подо льдом – не курорт. Восемь-девять метров ледяной толщи над головой на протяжении сотен километров... Что вы вообще знаете об Арктике?

Майор поставил пустую стопку на стол.

– Много снега, льда и немного чистой воды.

Грубозабойщиков тоже поставил стопку, глаза его потухли.

– Немного... В приказе нам ничего толком про вас не сообщили.

– Я врач.

– Военный?

– Не вполне. Я...

– Штатский?

Майор кивнул. Командир и старпом многозначительно переглянулись.

– Продолжайте, – хмуро произнес Грубозабойщиков. Информация его явно не обрадовала.

– Исследую влияние экстремальных климатических факторов на здоровье.

– Бывали раньше на подводных лодках?

– Приходилось.

Командир и старпом снова переглянулись. Видно, совсем пали духом. «Пиджак» на борту... Более того, кумекает что-то в подлодках. А они-то думали, что самая худшая ситуация

– женщина на корабле...

– Почему вас интересует эта буровая? – спросил в лоб Грубозабойщиков.

– У меня спецзадание.

– Понятно, – иронически протянул командир. – Мне сказали. Но почему именно вас?

– Я считаю себя специалистом по лечению лиц, подвергшихся длительному переохлаждению.

– Стоит мне свистнуть – и здесь будет куча таких специалистов, – сказал Грубозабойщиков. – Причем наших, флотских.

Отбиваться становилось все труднее.

– Мне знакома буровая. Я участвовал в выборе места для ее установки и подборе кадров. Ее начальник – мой старый друг.

– Так вот в чем дело, – задумчиво протянул Грубозабойщиков. – И вы по-прежнему будете утверждать, что вы рядовой врач? В приказе о допуске вас на судно говорится, что мы должны оказывать вам всяческую поддержку и выполнять ваши указания, кроме тех, которые могут угрожать безопасности корабля.

– Раз у вас такой приказ, то что же вас не устраивает?

– Не устраивает, и все, – внушительно сказал командир. – Этот приказ дает вам право действовать на лодке по собственному усмотрению. Мне это не нравится.

– Ваши желания оставьте при себе.

Грубозабойщиков даже не повел бровью. Он вовсе не был уязвлен тем, что его не посвятили в причины таинственного появления незнакомца на судне. Старого морского волка заботило одно – безопасность лодки и экипажа.

– Я тут командир, так что буду решать я.

Дроздов решил, что пришло время несколько раскрыть карты. Он понизил голос до шепота.

– Здесь можно говорить?

– Конечно.

– Не стану вас дальше интриговать, – сказал майор тихим голосом. – Придется сказать вам все.

– Начинайте, – заявил Грубозабойщиков.

– Дело в том, что буровая только официально занимается бурением. На самом деле ее задачи гораздо шире. Там следят за запусками ракет с территории Северной Америки.

– Я в этом не разбираюсь.

– Именно поэтому меня и отправили с вами. Надо выяснить, кому был выгоден пожар на буровой. – Майору придумали эту легенду в штабе. Не очень убедительно, но всегда есть возможность выкрутиться. – Куда идти?

– В каюту старпома, – ответил Грубозабойщиков и улыбнулся. – Я уже распорядился отнести туда ваш «дипломат».

– Трудно было вскрыть замок? – полюбопытствовал Дроздов.

– Впервые вижу такой мудреный, – признался командир. – Я провожу вас до каюты. Ужин в девять.

Капитан американской атомной подводной лодки «Тайгер», крупный, страдающий от одышки негр Джон Армстронг, крепко спал, навалившись мощной грудью на штурманский столик, когда громкий звонок мобильного разбудил его. Капитан вздрогнул и протянул черную волосатую руку к трубке.

– Армстронг слушает.

«Тайгер», как всегда, нес патрульную службу в своей обычной зоне под кодовым названием «Ранчо Буша», находясь в 40 милях к северу от Исландского берега. В его задачу входило фиксировать все идущие через Фарерский пролив подлодки. И хотя это была обычная работа для Армстронга, единственного негра-капитана подводной лодки во флоте США, однако ответственность давила тяжелым грузом на широкую черную грудь. Ведь именно из-за цвета кожи, считал Армстронг, к нему слишком придирались. «Негр в подводной лодке – что слон в посудной лавке», – шутил по его поводу начальник комитета объединенных штабов адмирал Пауэлл.

– Вы что там, спите? – загремел в трубке басовитый голос адмирала. – Вы там спите, а к вам гости.

Армстронг поднял руку и почесал волосатую грудь.

– Русские?

– Ты догадливый... Кто же еще? Они идут к полюсу. По нашим данным, это «Гепард». Уже, должно быть, подошли к Барьеру...

– Сэр, не так быстро, – перебил начальника Армстронг. Он хотел потянуть время, чтобы успеть обдумать ситуацию. В последние годы русские лодки все чаще стали тревожить американцев, используя различные хитроумные способы проникновения в американские территориальные воды, хотя до этого практически не появлялись в северной Атлантике. – Вы же знаете, сэр, – негру нужно повторять дважды...

Немного помолчав, что должно было свидетельствовать об определенном недовольстве, Пауэлл рассказал о радиоперехвате, из которого стало ясно, что «Гепард» вчера вышел из Видяево и движется к полюсу на поиски исчезнувшей буровой. Правда, из перехвата оставалось неясным, знают ли они об ее точном местонахождении.

– Ваша задача – следовать за ними.

– Это все?

– Есть кое-что еще. Через три часа в квадрате 45 примешь на борт нашего человека.

– Кого это? – сердито переспросил Армстронг, перестав чесать грудь.

– Майор Стивенсон. Наблюдатель от британских ВМС.

– Эндрю Стивенсон? – Армстронг стал нервно застегивать ворот рубахи. Он слышал о Стивенсоне – представителе дружественных королевских военно-морских сил на американ-

ском флоте, но до сих пор ему не приходилось сталкиваться с ним. – На кой черт он мне сдался? Только британца нам не хватало. У меня нет для него лишней койки.

– Освободи свою, – сердито сказал адмирал. – Он будет осуществлять руководство всей операцией. Выполняй все его приказы, за исключением, конечно, тех, которые могут угрожать безопасности твоей собственной задницы. Она еще пригодится американским ВМС.

– Хорошо, – после паузы, которая ясно должна была дать понять адмиралу его отношение к приезду незваного гостя, сказал капитан. – Я подчиняюсь. Но учтите, сэр, – мне это не нравится.

– Тебе понравится новое звание, когда я подпишу приказ о твоём повышении.

Армстронг выключил мобильник и мутным взором осмотрел помещение центрального поста. В синем ночном свете неясно отсвечивали разноцветные блики на поверхности пустых бутылок из-под пива «Холстен». Лодка только что вернулась с совместных учений с британскими кораблями, и после захода в дружественный Эдинбург у некоторых офицеров и матросов слегка побаливала голова. Лечились, как всегда, пивом.

В углу на диване кто-то зашевелился. Капитан посмотрел туда. На потертom диване, свернувшись калачиком, спал дежурный акустик Берни Фактороу. Капитан подошел к спящему.

– Эй, Берни, – он подергал его за плечи. – Вставай! Спишь, аж глаза вспухли.

Берни открыл глаза и недоуменно посмотрел на капитана. Его бесцветные глаза смотрели вяло и сонно. Трудно было догадаться, что это был самый способный акустик во всем шестом флоте США.

– Вставай, для тебя есть работенка, – сказал Армстронг. – Помнишь «Гепард»?

Берни недовольно вздохнул, вспомнив обстоятельства последней встречи с «Гепардом». Тот подкрался к Датскому проливу со стороны Исландии. «Тайгер» бесшумно направился за ним. «Гепард» шел обычным восемнадцатизловым ходом, не выказывая признаков тревоги, и только когда прошел сдвоенную вершину, известную как Пик Близнецов, тут же включил полную скорость и, набрав глубину, исчез в юго-западном направлении. Берни сделал безуспешную попытку найти его в многоголосом шуме океана, но безуспешно.

Акустик встал и несколько раз поприседал, разминая затекшие ноги.

– Не дают даже поспать, – недовольно пробурчал он. – Вот за что я не люблю кошек...

8

Капитан Грубозабойщиков последние 8 часов безотлучно находился на центральном посту. Прибрежные воды считались самыми опасными из-за риска наткнуться на затонувший корабль либо очутиться в сетях какого-нибудь траулера. Чтобы избежать подобных неприятностей, приходилось все время быть настороже. Грубозабойщиков не очень-то доверял своим помощникам – эта молодежь еще не нюхала пороха и нуждалась в постоянном присмотре.

Они погрузились на перископную глубину сразу после выхода из Видяевской бухты. Море было спокойным, видимость отличной. Ветер разогнал туман, и на горизонте показалось багровое солнце. Изредка в просвете рваных облаков от косо ниспадающих солнечных лучей вспыхивал по-северному серый клочок неба, и море обретало серебристый акварельный вид.

Приказав задраить главный люк, командир спустился в центральный. В середине его синим мертвенным светом мерцал экран локатора, на котором сверкала яркая, словно утренняя звезда, точка, обозначающая присутствие невдалеке траулера. Расположенный рядом экран гидрофона был пуст – донные отражения вносили неизгладимые помехи в звуковые волны, хотя в перископ траулер был ясно виден на расстоянии примерно сорока кабельтовых.

Сейчас была ночь. Лодка находилась в шестнадцати милях к северу от мыса Рыбачий вдали от морских путей. Теперь можно было расслабиться, переложив все обязанности на вахту.

Привычный красный свет – по ночам вся лодка погружалась в красный свет, чтобы одним можно было спать, а другим передвигаться по отсекам – струился из лампочки наверху, внося в сердце командира тревогу.

Траулеры были главной грозой подводных лодок. Их тянувшийся на несколько километров трал представлял огромную опасность для лодки – не столько из-за возможности запутаться винтами в его сетях, сколько из-за опасности выдать свое местонахождение. С траулера не видно, что загрывает их трал – рыбный косяк или лодку, – и рыбаки, возможно, даже еще и порадуются, почувствовав натяжение кормовых тросов, и только потом, когда вытащат на борт обрывки сетей, до них дойдет, какую рыбину они упустили. А водолазам с лодки придется долго рубить сети из толстых капроновых нитей, освобождая винты.

Грубозабойщик посмотрел на экран гидролокатора. Позиция «Гепарда» четко обозначилась на ней светящейся точкой в центре координатной сетки. Его местоположение определялось внутренней навигационной системой, основанной на работе множества вертикальных и горизонтальных гироскопов, а также магнитов. Система заслужила уважение у подводников своей абсолютной точностью.

На мостике, небольшом возвышении у центрального пульта, освещенном мертвенным синим светом экранов, стояли старпом и штурман капитан-лейтенант Ревунков. Оба вглядывались в экран главного монитора, словно читали интересную книгу.

– Глубина? – спросил командир, подойдя к пульту.

– Семьдесят, – ответил старпом. – 30 метров под килем.

– Подойдет, – сказал командир. – Что дает пеленг?

– Траулер. 10 градусов по носу. Дальность неизвестна, но не более десяти миль.

Командир посмотрел на экран. Они приближались к краю континентального шельфа севернее Канина Носа. Еще несколько часов хода – и морская глубина даст им спасительное пространство для маневра. А пока приходилось опасаться этого дурацкого траулера. Положение осложнялось наличием на морском дне большого количества мусора – затонувших кораблей, кабелей, порванных сетей. Гринпис даже объявил Баренцево море свалкой отходов. За это моряки окрестили Гринпис морским дьяволом. Обходя трал, можно было врезаться в затонувшие еще во времена Второй мировой войны суда, торчащие на морском дне, словно памятники знаменитым союзническим конвоям.

Гидролокатор не мог обнаружить трал, но сам траулер с подстрочной таблицей данных ярким бликом сверкал на экране сбоку координатной сетки.

– Эх, тесновата квартирка, – вздохнул штурман. – Хотя

бы метров двести – двести пятьдесят...

– Он зверски длиннющий, – выразил общую мысль старпом. Все знали, что трал мог тянуться за кормой траулера до двух километров в длину да еще метров по триста в стороны к отводителям.

– Рулевой, пять градусов влево, – приказал командир.

– Есть влево пять градусов, – тут же отозвался рулевой, радуясь, что для него нашлась работа.

«Лучше не рисковать и убраться подобру-поздорову, – подумал Грубозабойщиков. – Не дай бог, сети заденут акустическую антенну».

– Что-нибудь еще? – спросил он.

– Есть еще один контакт к северо-западу, удаление 20 миль, – ответил старпом. – Точно не лодка... Больше никого в радиусе пятидесяти миль.

Грубозабойщиков обвел глазами тесное помещение. Те, кто ловил на себе командирский взгляд, тут же отводили глаза в сторону. Командир всегда старался держать дистанцию между собой и экипажем, считая, что это способствует поддержанию порядка на лодке. Он никогда не был тираном, но любил субординацию, и его нынешний авторитет был завоеван не столько за счет придирок, сколько за счет им самим выработанной технологии руководства.

Старпом, стоя в одиночестве, наклонился над картой водного пространства между Кольским полуостровом и островом Медвежий. Баренцево море негласно считалось внут-

ренним российским морем, и пока можно было надеяться, что чужаков не будет, но вдоль границы территориальных вод Норвегии и России в донный грунт была заложена цепь гидрофонов, составляющих систему «Зонт» – защиты и обнаружения неизвестных технических средств. Она тянулась и далее вдоль границы российских полярных владений вплоть до Шпицбергена. «Зонт» был способен заметить любую мало-мальски значимую лодку с мотором. Радарные системы надводных кораблей и патрулирующие в небе разведывательные самолеты завершали систему.

Дождавшись, когда командир подойдет к мостику, старпом приблизился к нему.

– Ну, и как вам этот новый инспектор, Владимир Анатольевич? – осторожно поинтересовался он.

– Думаешь, проверяющий?

– А то кто же...

– Мутный он какой-то, – откровенно признался Грубозабойщиков. – То доктор, то какая-то база слежения за американскими ракетами...

– Вот именно, – согласился старпом. – Прикажете изолировать?

– Нет, – командир какое-то время помолчал. – Присматривай за ним.

– Есть присматривать...

Неожиданно обернувшись, Грубозабойщиков увидел, что лица всех присутствующих на центральном повернуты к

ним.

– Не будем сплетничать при экипаже, – поспешно добавил он, – поговорим позднее. – Командир повернулся к штурману: – Что с траулером?

Рыболовный трал все еще беспокоил его.

– Думаю, идет с чистой кормой, – ответил штурман. – Должно быть, в порт.

– Хорошо. Я буду в каюте. Если что, доложить, – и с этими словами командир покинул центральный.

Дроздов проснулся вялым и сонным, как бывает всегда, когда пересподишь. Часы на переборке показывали девять тридцать утра. Значит, он спал шестнадцать часов кряду.

В каюте было темно. Он встал, на ощупь отыскал выключатель, зажег свет и огляделся. Тяжкороба не было, тот, очевидно, вернулся в каюту после того, как он уснул, а ушел, когда он еще не проснулся.

Кругом царил тишина, майор не смог уловить никаких признаков того, что они движутся. Безмолвие и покой, прямо как в собственной спальне. Что случилось? Задержались с отплытием?

На скорую руку ополоснувшись над раковиной, он решил, что бриться не стоит – женщин-то все равно нет, – надел рубашку, брюки, обулся и вышел из каюты.

Неподалеку, по правому борту, виднелась дверь. Дроздов заглянул внутрь. Это была офицерская кают-компания.

Один из офицеров неторопливо подбирал с огромного блюда бифштекс, яйца, жареную картошку, лениво перелистывая журнал. Это был человек примерно его возраста, крупный, склонный к полноте. Темные, коротко остриженные волосы тронуты на висках сединой, лицо умное, жизнерадостное. Заметив майора, он встал, протянул руку.

– Доктор Дроздов, если не ошибаюсь? Добро пожаловать

в нашу кают-компанию, Андрей Викторович. Моя фамилия Кузнецов. Присаживайтесь.

Дроздов торопливо поздоровался и тут же спросил:

– В чем дело? Почему мы стоим?

– Ну, народ, – с притворной укоризной сказал Кузнецов. –

Все куда-то спешат. Знаете, к чему это приводит?

– Извините, мне надо к капитану... – Дроздов повернулся, чтобы уйти, но его собеседник положил ему руку на плечо.

– Не волнуйтесь, Андрей Викторович. Мы плывем. Присаживайтесь.

– Плывем? Я ничего не ощущаю.

– Вы и не можете ничего ощутить на глубине ста метров.

Возможно, двухсот, – дружелюбно добавил Кузнецов. – Я в такие детали не вдаюсь. Этим занимаются другие. Проголодались?

– И где мы сейчас?

– Слева Греция, справа Швеция...

– Не понял юмора.

Кузнецов заулыбался:

– Ко времени последней ориентировки мы уже порядком просунулись в котловину Амундсена и находились примерно на широте старины Франца-Иосифа. – Он откинулся на спинку стула и крикнул: – Геннадий!

Откуда-то, видимо, из буфетной, появился матрос в белой куртке, долговязая, тощая личность со смуглой кожей и длинным мрачным лицом. Взглянув на Кузнецова, он мно-

гозначительно произнес:

– Еще жареной картошки, ваше благородие?

– Ты же знаешь, я никогда не беру добавку, – с достоинством возразил Кузнецов. – Во всяком случае, на завтрак. Вот, может, Андрей Викторович...

– Здравия желаю, – приветствовал Дроздова Геннадий. – Завтракать? Сейчас соорудим.

– Ради бога, только не жареной картошки, – вмешался Дроздов. – Есть вещи, которые я не в состоянии вынести с утра.

– Извините, соленых огурцов не держим. Может, «шти»?

– Суточные?

– Самые что ни на есть общепитовские, – с пафосом воскликнул Геннадий. – Наши родимые, наши неизменные, наши непревзойденные... Из прошлогодней капустки.

– Дайте лучше чаю.

Матрос кивнул и удалился.

– Насколько я понимаю, вы – доктор.

– Собственной персоной, – кивнул Кузнецов. – Кстати, приглашение еще одного опытного специалиста ставит под сомнение мою профессиональную репутацию.

– Я здесь только пассажир. Не собираюсь с вами конкурировать.

– Знаю, знаю, – откликнулся тот поспешно.

Чересчур поспешно, чтобы Дроздов сообразил: к этому приложил руку Грубозабойщиков. Видимо, приказал не до-

саждать доктору Дроздову. Майор снова подумал о том, как поведет себя командир, когда они доберутся до буровой и суровая реальность разоблачит его легенду.

Тем временем Кузнецов, улыбаясь, разлил из фляжки по маленьким рюмкам.

– Прямо с утра? – спросил Дроздов.

– А чем еще здесь заниматься нашему брату? Здесь и одному-то врачу делать нечего, а двоим и подавно. У меня каждый день установлены приемные часы, так хоть бы какой-нибудь прыщик! Разве что после прибытия в порт после длительного плавания на следующее утро кое у кого побаливает голова. Моя основная работа заключается в контроле за уровнем радиации и загрязнением воздуха. Работенка – не бей лежачего. Самое серьезное, что мне пришлось лечить за последнее время, – ожог пальцев сигаретой, когда наш кок заснул на лекции.

– На лекции?

– Надо же что-то делать, чтобы не свихнуться от безделья. – Глаза у него повеселели. – Хорошо еще, спирт спасает... А еще у меня есть одна левая работенка, точнее – хобби: ледомер. Потом я вам его покажу.

В этот момент в кают-компанию зашел матрос и пригласил Дроздова к капитану.

Длинный проход, дверь с крепкими запорами – и они очутились на центральном посту.

Центральный пост, по мысли конструкторов, должен был

быть самым просторным помещением на лодке. Но любому постороннему показался бы тесным этот небольшой отсек 6 на 6 метров, сплошь заставленный оборудованием. В его середине стоял главный стол с горизонтально расположенным плоским плазменным экраном, высвечивающим карту Северного Ледовитого океана. Сбоку торчали три массивные трубы перископов с хромированными окулярами – главным и двумя поисковыми. Рядом находился процессор Центрального информационного пульта – ЦИПа с мигающими экранами мониторов. За стендами, оборудованными множеством датчиков с подрагивающими стрелками, сидело с полдюжины дежурных офицеров, следивших за состоянием турбины, гидравлической, электрической и прочих систем лодки. В сложной иерархии приборов главным был глубиномер.

Единственным посторонним предметом в помещении был красочный плакат советских времен «Товарищи подводники! Шире социалистическое соревнование за отличные показатели в боевой и политической обстановке!»

Грубозабойщиков ждал Дроздова у радиорубки.

– Доброе утро, Андрей Викторович. Как спалось?

– Шестнадцать часов проспал без задних ног.

Что-то явно произошло: Грубозабойщиков не улыбнулся.

– Пришла радиограмма насчет буровой. На расшифровку уйдет пара минут.

Дроздову показалось, что Грубозабойщиков и так прекрасно знает, о чем она.

– А когда мы всплывали? – уточнил майор, зная, что радиоконтакт в подводном положении невозможен.

– С тех пор, как прошли Шпицберген, ни разу. Сейчас держимся строго на глубине в сто метров.

– Но радиограмма получена по радио?

– Принимать сообщения мы можем и на глубине. В Полярном расположен самый мощный в мире радиопередатчик, использующий сверхнизкие частоты, для него связаться с субмариной в подводном положении – пара пустяков... Пока мы ждем, познакомьтесь с моими ребятами.

Он представил Дроздову кое-кого из команды центрального поста, причем командиру, казалось, было совершенно безразлично, офицер это или матрос. Моряки на центральном с головой ушли в свои приборы. Кажется, для них ничего не существовало, кроме этих циферблатов, шкал и индикаторов, отрешающих людей от всего мирского. Сколько майор ни бывал на подводных лодках, всякий раз удивлялся собранности подводников. На надводном корабле притомился от вахты – можно в иллюминатор взглянуть. Вон чайка резвится, вон островок на горизонте, вон шквалистое облачко по небу ползает. Полюбовался – какую-то разрядку получил. На лодке перед тобой только цифры, стрелки, риски и вентили. Куда головой ни крути – всюду они.

Дроздов незаметно следил и за командиром лодки. До чего заметна разница с командиром крейсера! На крейсерах командиры с горделивой осанкой, с орлиным зрением, на-

строенным на океанские дали, в щеголеватой фуражке, в ловко сидящем реглане и с непрременным биноклем на шее. Не спутаешь ни с кем! Ну, а командир подлодки привык «складываться», ныряя в рубочный люк или переборочные двери, оттого чуть сутулится; он нетороплив, осмотрителен, говорит и даже командует, не повышая голоса, будто, повысив, рискует утратить основное преимущество своей лодки – скрытность. Он постоянно в кожаных перчатках, так как привык держаться за рукоятки перископа и не хочет при этом замазаться гидравлическим маслом.

Грубозабойщиков подвел майора к сидевшему у перископа юноше, похожему на студента.

– Капитан-лейтенант Ревунков, – произнес командир. – Обычно мы почти не обращаем на него внимания. Но подо льдом он станет самой важной персоной на корабле. Наш штурман. Ну, что, Геннадий, где мы сейчас?

– Здесь, – Ревунков ткнул пальцем в самую северную точку, высвеченную на карте Баренцева моря.

Грубозабойщиков остановился, чтобы взять у подошедшего матроса радиограмму, внимательно прочел ее. Потом дернул головой и отошел в дальний угол. Дроздов последовал за ним. Командир по-прежнему без улыбки глянул ему прямо в глаза.

– Мне очень жаль, – сказал он. – Евгений Холмогорский, начальник дрейфующей буровой... Вчера вы сказали, что он ваш близкий друг?

Во рту у майора пересохло. Дроздов кивнул и взял у него лист бумаги с текстом. «В 09.45 траулер «Морозов» получил радиограмму, которую трудно разобрать, – говорилось в сообщении. – В сообщении указывается, что майор Евгений Иванович Холмогорский и еще трое из неназванных сотрудников погибли. Остальные, их количество тоже неизвестно, получили сильные ожоги. По отрывочным данным можно догадаться, что все уцелевшие находятся в одном домике и не в состоянии передвигаться. Удалось разобрать слова «пурга», но какова скорость ветра и температура воздуха, неизвестно. Немедленно после получения этой радиограммы «Морозов» несколько раз пытался установить связь с буровой, но безуспешно. По приказу покинул район лова рыбы и теперь движется к ледовому барьеру, чтобы действовать как пост радиоперехвата. Конец сообщения».

Дроздов сложил бумагу и вернул ее Грубозабойщикову.

– Мне очень жаль, Андрей Викторович.

– Евгений, – голос майора изменился до неузнаваемости, он звучал теперь сухо и безжизненно. – Таких людей, как он, встречаешь нечасто.

Ревунков, с тревогой на лице, сунулся было к нему, но Дроздов только отмахнулся. Он медленно покачал головой.

– Он должен выжить, – выпалил Грубозабойщиков. – Должен! Надо установить, где они.

– Пожалуй, они и сами этого не знают, – проговорил Ревунков. Он с явным облегчением сменил тему: – Это же

дрейфующая буровая. Кто знает, сколько дней погода мешала им определиться с координатами. А теперь, по всей видимости, приборы пеленгации погибли в огне.

– Они должны знать свои координаты, пусть недельной давности. Зная довольно точные данные о скорости и направлении дрейфа, они вполне могут хотя бы приблизительно определить свое нынешнее положение. Пусть «Морозов» постоянно их запрашивает. Если мы сейчас всплывем, сумеем связаться с траулером?

– Наверяд ли. Траулер находится на тысячи километров к северу от нас. Его приемник слабенький, чтобы поймать наш сигнал... Если хотите, можно выразиться иначе – наш передатчик слабоват.

– Установите связь с Полярным. Передайте, пусть любым путем свяжутся с «Морозовым» и попросят непрерывно запрашивать буровую.

– Но они и сами могут это сделать.

– Они не смогут слышать ответ. А «Морозов» может... С каждым часом он продвигается все ближе к буровой.

– Будем всплывать, – кивнул Грубозабойщиков. Он отошел от карты и направился к пульту погружения и всплытия.

Сидя в жестком подрессоренном кресле на борту «Блэк Хоупа», майор Стивенсон чувствовал, как деревенеют его ноги.

Он поерзал на сиденье. Твердая алюминиевая спинка врезалась ему в спину, затрудняя циркуляцию крови. Каждые несколько секунд он менял положение, но это не помогало. Хотелось одного – поскорее выбраться из этого дребезжащего металлического ящика. Они находились в воздухе уже полтора часа.

– Может быть, мы ошиблись? – прокричал он летчику, пересиливая шум мотора.

– Да нет, сэр, – прохрипел голос пилота в наушниках. – Где-то здесь.

Они взлетели из Галифакса точно по графику. Несмотря на приближение шторма и массивы пакового льда, операция казалась рутинной. Лодка и вертолет связывались по радию, приближались к месту встречи, и как только рубка показывалась над водой, Стивенсона на тросе опускали вниз.

Но никаких признаков присутствия лодки не было, не было даже намека на ее приближение.

Что это значит? Случайность? Невероятно. Не поняли друг друга? Исключено.

Он нажал кнопку связи на своем поясе.

– Вы запрашивали берег? – его тревога росла.

– Две минуты назад, – ответил пилот. – Они повторили сигнал. Лодка слышит их. Сэр! У нас осталось топлива на полчаса, и лопасти обледеневают.

Стивенсон посмотрел в окно. Ничего, кроме холодных серых волн с белыми барашками бурунов, упрямо взбивающих морскую перину.

Ему не нравилось здесь все – шум, вибрация, запах гидравлического масла. Он боялся, что это вызовет приступ клаустрофобии. Вертолет был противолодочной моделью и напичкан аппаратурой для обнаружения подлодок, включая черную параболическую антенну снаружи.

«А может, оно и к лучшему, если не найдем лодку, – подумал он, почувствовав облегчение. – На нет и суда нет? – Он тут же отогнал эту мысль. – Нет, задание должно быть выполнено».

Упакованный в промежутке между ручками кресел, майор был зажат между фюзеляжем и контрольной панелью со множеством лампочек. Резинометаллические подлокотники врезались в бока с двух сторон. К тому же его обрядили в водонепроницаемый спасательный жилет на случай, если вертолет окажется в воде.

– Ну что ж, попробуем еще раз, – сказал летчик.

Вертолет вновь зашел на круг.

– Ага, кажется, что-то есть, – послышался в наушниках его обрадованный голос. – Во всяком случае, так показывает

МАД.

МАД, или магнитоаномальный детектор, позволял обнаружить массивные металлические предметы по их магнитному полю.

– Здесь, – махнул летчик, когда серебряная птица зависла над водой. – Сейчас всплывут.

Стивенсон наполовину высунулся из открытой двери. Ничего, кроме взлетающих к небу пятиметровых волн.

– Наконец-то! – сказал Грубозабойщиков. – Вот он, Барьер!

Огромный цилиндрический корпус «Гепарда» то полностью скрывался под водой, то взлетал на поверхность, вспарывая крутые высокие волны. Покачиваясь на крупной волне, лодка делала сейчас не больше трех узлов. Могучие механизмы едва вращали оба гигантских восьмиметровых спаренных винта – лишь бы корабль слушался руля.

Хотя в тридцати метрах под мостиком неустанно прощупывал окружающее пространство лучший в мире сонар, Грубозабойщиков не хотел искушать судьбу и старался исключить даже малейшую вероятность столкновения с айсбергом. Даже сейчас, в полдень, арктический небосвод покрывали тяжелые мрачные тучи, а видимость была – как в густые сумерки. Термометр на мостике показывал температуру морской воды минус 2 градуса, а воздуха – минус 26. Штормовой северо-восточный ветер беспрестанно срывал верхушки с крутых свинцовых волн и осыпал отвесные стенки рубки замерзающими на лету брызгами.

Мороз забирал за живое. Одетый в шерстяную куртку и поролоновую альпийку, Дроздов все равно не мог удержаться от дрожи. Высунувшись из-за брезента, который создавал только видимость укрытия, он взглянул туда, куда показы-

вал Грубозабойщиков. Громкий стук зубов не могли заглушить ни пронзительно-тонкое завывание ветра, ни барабанный грохот ледовой шрапнели.

Не дальше чем в двух километрах от них во всю ширину горизонта протянулась тонкая серовато-белая полоса, казавшаяся с такого расстояния довольно прямой и ровной. Дроздов видел Барьер и раньше, но все равно это было такое зрелище, к которому не привыкнешь.

Им предстояло пройти под ледовым полем многие сотни километров, чтобы отыскать терпящих бедствие людей, которые, может быть, находятся на краю гибели или уже мертвы. Они обязаны отыскать их в этих бесконечных пустынных ледовых просторах.

Радиограмма, переданная сорок девять часов назад, была последней. После этого в эфире воцарилась тишина. Все прошедшее время траулер «Морозов» не прекращал радиопередачи, стараясь поймать ответный сигнал с буровой, но уходящая к северу, тускло отсвечивающая льдом пустыня хранила молчание.

Восемнадцать часов назад атомный ледокол «Арктика» подошел к Барьеру и, напрягая все силы, сделал попытку пробиться к сердцу этой страны льда. Зима еще только началась, лед был не такой толстый и прочный, как в марте, и по расчетам, оборудованная мощным корпусом и двигателями «Арктика» могла пробить путь во льдах толщиной до пяти метров. Специалисты полагали, что при хороших усло-

виях «Арктика» способна дойти даже до Северного полюса. Однако выяснилось, что толщина ледового поля значительно превышает возможности «Арктики».

Попытки не прекращались. Были отправлены несколько «Ту-160». Несмотря на тяжелые облака и сильный ветер, самолеты сотни раз пересекли вдоль и поперек участки ледовых полей, где могла находиться буровая, прощупывая подозрительные места радаром. Но все напрасно. Что уж говорить о спутниках, удаленных от Земли на сотни километров дальше.

– Нет смысла стоять. Только замерзнем до смерти... – Грубозабойщикову приходилось надрывать глотку, чтобы Дроздов его расслышал. – Погружаемся.

Он повернулся спиной к ветру и уставился на запад, где меньше чем в четверти мили тяжело и лениво покачивался на волнах большой и широкий траулер. «Морозов», который провел последние два дня у самой кромки ледового поля в напрасной надежде поймать сигнал с буровой, собирался возвращаться в Мурманск: запас горючего у него был на исходе.

– Передайте на траулер, – сказал Грубозабойщиков ближайшему из матросов, – «Погружаемся сроком до двух недель...» – Он повернулся к Дроздову и произнес: – Если за это время их не найдем, то... – Дроздов кивнул, и командир продолжил: – «Удачи и благополучного возвращения домой».

Когда семафор замигал, передавая ответное сообщение, майор удивленно добавил:

– Неужели рыбаки ловят рыбу даже зимой? Пятнадцать минут – и я чуть не околел от холода.

– Приходится. Лучше околеть от холода, чем с голоду.

На «Морозове» замигали ответные световые сигналы.

– «Не разбейте свои головы – лед крепкий. Удачи!»

– А сейчас мы нырнем и вынырнем только через несколько дней, – с усмешкой сказал Грубозабойщиков. – Всем вниз! – приказал он, повернувшись к вахтенному.

– Всем вниз, – продублировал приказ вахтенный.

Сигнальщик принялся свертывать прикрывавший от ветра брезент, а Дроздов спустился по трапу в небольшое помещение под рубкой, протиснулся через люк и по второму трапу добрался до палубы с центральным постом. За ним следовали Грубозабойщиков и сигнальщик, а замыкал эту процессию Тяжкороб, которому пришлось задраивать два тяжелых водонепроницаемых люка.

Грубозабойщиков наклонился к микрофону и спокойно произнес:

– Глубина погружения сто метров.

Главный электронщик неторопливо включил ряды индикаторов, контролирующих положение люков, отверстий и клапанов. Круглые лампы погасли, щелевые ярко вспыхнули. Так же неторопливо техник пощелкал тумблерами для перепроверки:

– Заборотные задраены, товарищ командир.

Грубозабойщиков кивнул.

Послышалось шипение стравливаемого воздуха – и путешествие подо льдом началось.

Через десять минут Грубозабойщиков подошел к Дроздову. За прошедшее время майор прекрасно узнал командира. Команда верила ему слепо и безоговорочно. Командир был здесь словно шериф небольшого городка на Диком Западе, проверяющий, все ли спокойно на вверенной ему территории. Это и был его город со своим мэром, салунами, барами и сложными человеческими отношениями.

– Как себя чувствуете?

– Хотелось бы знать, куда идем.

– Сейчас узнаете, – заверил Грубозабойщиков. – «Гепард» – не только самая быстрая кошка в мире, но и самая зоркая. Наши глаза видят, что творится вверху, внизу, прямо перед тобой и по сторонам. Эхолот показывает, сколько воды под килем. Два сонара смотрят вперед и по сторонам – один прощупывает курс корабля, второй контролирует сектор в пятнадцать градусов по каждому борту. Достаточно уронить гаечный ключ на другом конце океана – и мы уже знаем об этом. Шансов столкнуться мало, но случается. Так что лучше пусть себе сонар попискивает... Но наш основной глаз, когда мы подо льдом, – это тот, что смотрит прямо вверх. Вот, взгляните...

Они прошли в тот конец центрального, где справа по бор-

ту и ближе к корме у принтера, из которого вылезала бумажная лента шириной в семь сантиметров, корпели доктор Кузнецов и еще один моряк. Кузнецов что-то подкручивал и был полностью увлечен этим занятием.

– Верхний эхолот с самопишущим принтером, – пояснил Грубозабойщиков. – Обычно его называют ледемером... Хозяин здесь – доктор. Пусть забавляется. Чем бы дитя ни тешилось...

Кузнецов заулыбался, но даже глаз от бумажной ленты не отвел.

– Вот оно! – воскликнул он. – Первая плавающая льдина... Еще одна... И еще! Поглядите-ка сами, Андрей Викторович.

Дроздов поглядел. Головка принтера, которая раньше, еле слышно поскрипывая, чертила сплошную горизонталь, теперь прыгала вверх и вниз по бумаге, вырисовывая очертания проплывающего над ними айсберга. Линия было выровнялась, но тут же головка снова задержалась: еще одна льдина появилась и уплыла. Пока Дроздов смотрел, горизонтальные отрезки появлялись все реже, становились короче – и наконец исчезли совсем.

– Вот и добрались, – кивнул Грубозабойщиков. – Теперь всплывать нам будет некуда.

«Тайгер», словно огромная дохлая рыбина, лежал на грунте в заданном районе Баренцева моря, поджидая вертолет, на котором должен был прибыть Стивенсон. Турбина была выключена, и расходящиеся на поверхности волны слегка покачивали длинный сигарообразный корпус лодки.

Ближе к 17.00 капитан дал команду оторваться от грунта и выйти на перископную глубину, чтобы осмотреть горизонт.

– Как думаешь, сможет наш компьютер засечь его? – спросил он у акустика.

– Вряд ли, сэр, – ответил Берни. – Из-под воды вряд ли.

Он протер глаза. Неплохой парень этот капитан, но, как все остальные (под остальными Берни понимал всех неакустиков на лодке), он слишком полагается на компьютер. Ни один компьютер не сможет в подводном положении выделить шум вертолета среди шума волн.

– Смотри мне, если упустишь, руль из кормы вырву, – процедил Армстронг сквозь зубы.

Ну, вот, опять виноват акустик. Разве он может все? А чуть что – сразу акустик.

Подвсплыв, лодка закачалась в приповерхностном слое. В точно назначенное время их поверхностный радар засек вертолет, который, как оса, стал кружить над водной поверхностью. Армстронг приказал поднять перископ. Как только он

прильнул к окулярам, перед его глазами возникла серебристая птица, лопасти которой с яростью рубили воздух. Она была такой огромной, что Армстронг невольно отпрянул от окуляров.

– Всплытие, – приказал Армстронг. – Черт возьми! Чувствую, этот британец устроит нам кавардак на лодке...

Чья-то тяжелая рука легла Дроздову на плечо. Майор открыл глаза, заморгал от яркого света плафона и увидел перед собой старпома.

– Вы так сладко спали, Андрей Викторович, что жаль было будить, – жизнерадостно сказал тот. – Но мы уже здесь.

– Где здесь? – недовольно пробурчал Дроздов.

– 85 градусов тридцать семь минут северной широты и 21 градус тридцать минут восточной долготы.

– Там, где, по последним данным, находилась буровая? – Дроздов недоверчиво взглянул на часы. – Уже?

– Дурака не валяем, – скромно ответил Тяжкороб. – Командир приглашает вас подняться.

– Иду!..

Они уже приближались к центральному, когда лодку вдруг качнуло, чуть не сбив Дроздова с ног. В последнюю минуту он успел ухватиться за поручень, идущий вдоль коридора. Субмарина накренилась, точно истребитель, входящий в крутой вираж.

– Что это?

– Наверное, полынью обнаружили. Или разводье... Или окно – как хотите назовите. А может, тонкий участок ледяного поля. Теперь будем крутиться, как щенок за своим хвостом. Экипаж от этого обычно в диком восторге, особенно

когда пьет кофе или хлебает щи.

Они вошли в центральный. Грубозабойщиков вместе со штурманом, низко пригнувшись, что-то внимательно изучали на столе для прокладки маршрута. Дальше к корме матрос у верхнего эхолота ровным, спокойным голосом считывал цифры толщины льда.

– Доброе утро, Андрей Викторович. – Грубозабойщиков оторвал взгляд от карты. – Похоже, что-то есть.

Тяжкороб подошел к столу и пристально уставился на экран, хотя смотреть, казалось бы, там было не на что: крохотная светящаяся точка, пробивающаяся сквозь стекло, да лист голубой миллиметровки, на котором оператор обводил карандашом след, вычерчиваемый этой точкой. В глаза бросились три красных креста, два из них совсем рядом. Как раз когда Тяжкороб, склонившись к листу, изучал карту, оператор, работавший с леодомером, громко выкрикнул:

– Есть!

Черный карандаш тут же сменился красным, и на бумаге появился четвертый крест.

– Похоже, вы правы, Владимир Анатольевич, – сказал Тяжкороб. – Только что-то уж сильно узкая.

– По-моему, тоже, – согласился Грубозабойщиков. – Но это первая щелка во льду. А чем дальше к северу, тем меньше вероятность всплыть. Надо пробовать... Скорость?

– Один узел, – доложил Ревунков.

– Малый назад, – произнес командир тихо и спокойно, как

на прогулке, но тотчас один из сидящих в откидных креслах офицеров наклонился к переговорному устройству и передал в машинное:

– Лево на борт.

Грубозабойщиков пригнулся к автопрокладчику, внимательно следя за тем, как световая точка и не отрывающийся от нее карандаш двигаются назад, примерно к центру прямоугольника, образованного четырьмя красными крестиками.

– Стоп машина! – проговорил он. – Руль прямо... – и после некоторой паузы скомандовал: – Вперед помалу. Так... Стоп!

– Скорость ноль, – доложил Ревунков.

– Двадцать метров, – приказал Грубозабойщиков офицеру поста погружения. – Только потихоньку.

До центрального докатился продолжительный глухой шум. Это откачивалась вода из цистерн, чтобы удерживать лодку на ровном киле.

Помпа остановилась. Снова зашумела вода, теперь уже возвращаясь в цистерны: офицер по погружению замедлил скорость подъема. Наконец и этот звук затих.

– Стоп заполнение цистерн, – доложил офицер, наблюдающий за всплытием. – Точно двадцать метров.

– Поднять перископ, – скомандовал Грубозабойщиков.

Стоящий рядом с ним офицер взялся за рычаг над головой, послышалось шипение, под высоким давлением гидравлика выдвигала правый перископ. Преодолевая сопротивление

ние забортной воды, тускло отсвечивающий металлический цилиндр наконец освободился полностью. Грубозабойщиков откинул зажимы и прильнул к окулярам.

– Что он там собирается разглядеть на такой глубине, да еще ночью? – спросил Дроздов у Тяжкороба.

– Совершенно темно никогда не бывает. Свет от луны и звезд все же пробивается сквозь лед, если, конечно, тот достаточно тонок.

– И какой толщины лед?

– Вопрос хороший, – отозвался Тяжкороб, – но ответ плохой. Где-то от десяти сантиметров до метра. Если десять – пройдем, как нож сквозь масло. Если метр – набьем себе шишек, – он кивнул в сторону Грубозабойщикова. – Похоже, дело швах. Видите, как он крутит верньеры? Значит, ничего не может разглядеть.

– Темно, как у негра... в подмышке, – проговорил, выпрямляясь, Грубозабойщиков. – Включить огни на корпусе и рубке. – Он снова прильнул к окулярам и через несколько секунд произнес: – Ни хрена... Попробуем видеокамеру.

На экране появилось что-то серое, размытое, неопределенное.

– При такой температуре и солености вода становится совершенно непрозрачной.

– Выключить огни, – приказал Грубозабойщиков. Экран совсем потемнел. – Включить...

Та же серая муть на экране.

– Ну что, Владимир? – Вздохнув, Грубозабойщиков повернулся к Тяжкоробу.

– Если бы мне платили за богатое воображение, – с пафосом произнес старпом, – я бы представил себе, что вижу верхнюю часть рубки вон там, в левом уголке... Хотя в жмурки играй.

– Скорее – в русскую рулетку, – возразил Грубозабойщиков с невозмутимым лицом человека, покуривающего сигару воскресным днем в кресле-качалке. – Позицию сохраняем?

– Не знаю, – Ревунков оторвал глаза от экрана. – Трудно сказать что-то наверняка.

– Симонов? – вопрос матросу у ледемера.

– Тонкий лед, товарищ командир. По-прежнему тонкий.

– Продолжайте работать. Убрать перископ... – Грубозабойщиков поднял рукоятки и повернулся к офицеру, руководившему всплытием. – Давай подъем, но осторожно, как корзину с собственными яйцами.

Снова заработали насосы. Дроздов оглядел центральный. Все были спокойны, собранны и хладнокровны. Лишь на лбу у Ревункова проступили капельки пота, а голос Симонова, монотонно повторяющего «тонкий лед, по-прежнему тонкий», звучал преувеличенно ровно и невозмутимо. Но напряженность ощущалась почти физически.

– Если подвернется какой-нибудь сталактит, острый, как игла, – объяснил Тяжкороб, – может проткнуть наш «Гепард» посередке, словно червяка.

– Двадцать метров, – доложил офицер по погружению.

– Тонкий лед, тонкий... – бубнил Симонов.

– Выключить палубные огни, освещение рубки оставить включенным, – произнес Грубозабойщиков. – Камера пусть вращается. Гидролокатор?

– Все чисто, – доложил оператор сонара. – Кругом все чисто... – И после паузы добавил: – Отставить чисто! Контакт прямо по корме!

– Как близко? – быстро уточнил Грубозабойщиков.

– Очень близко. Слишком близко.

– Лодка скачет! – резко выкрикнул офицер по погружению. – Восемнадцать, двадцать...

– Толстый лед! – тут же отозвался Симонов.

– Срочное погружение! – приказал Грубозабойщиков.

Теперь это звучало как приказ.

Дроздов почувствовал резкое повышение воздушного давления, когда командир поста погружения включил насосы и тонны забортной воды ринулись в цистерну срочного погружения. Но было слишком поздно. Раздался оглушительный грохот, удар чуть не свалил всех с ног: «Гепард» наткнулся на ледовый покров. Зазвенели стекла, свет, мигнув, погас, и субмарина камнем пошла ко дну.

– Продуть цистерну! – скомандовал командир поста.

Сжатый под большим давлением воздух с ревом ринулся в балластную емкость, но глубина все увеличивалась. При той скорости, с какой они падали вниз, им явно грозила опас-

ность быть раздавленными давлением воды раньше, чем насосы сумеют откачать хотя бы часть принятого перед этим балласта.

Глубина увеличивалась. Сто метров, сто пятьдесят. Они продолжали падать. Никто не произнес ни слова. Застыв на месте, все не сводили глаз с указателя глубины. Всем было понятно, что «Гепард» наткнулся кормой на подводный хребет, как раз в тот момент, когда его рубка напоролась на тяжелый лед. И если в кормовой части «Гепарда» пробоина, то погружение будет продолжаться до тех пор, пока под тяжестью миллионов тонн воды лодку не расплющит как консервную банку, в мгновение ока лишив жизни всех, кто там находится.

– Сто шестьдесят метров, – громко читал офицер по погружению. – Сто шестьдесят пять... Падение замедляется! Замедляется!..

Заметив среди белых барашков какой-то блестящий выпуклый предмет, Стивенсон пригляделся. Очертания предмета были ему знакомы. Это был выпуклый светлячок перископа.

– Вон они! – вскрикнул майор.

Через минуту в водной глубине завиднелись очертания округлого предмета. Отсюда, сверху, лодка казалась огромной акулой с рулями-плавниками по сторонам. Затем из воды показался черный округлый нос. Какое-то время он рос в высоту, потом завис над поверхностью моря, как огромная рука, вся в космах падающей с нее воды, и наконец обрушился в воду, подняв мириады брызг. Покачавшись на волнах, лодка остановилась. Через минуту рубочная дверь открылась, и на палубе показалось несколько человек в черных костюмах.

Зависнув над лодкой в двадцати метрах, вертолет спустил вниз прочную капроновую веревку. Она опустилась прямо на палубу с нарисованным на ней большим черным крестом. Стивенсон защелкнул карабин, повис на тросе, и лебедка стала медленно разматываться.

На короткое время ему показалось, что он не попадет на черное перекрестье и опустится в море, но тут несколько пар рук протянулось к нему, отцепили от карабина и поволокли в

рубочный люк, даже не дав как следует оглядеться на палубе.

Тяжелая рубочная дверь захлопнулась. Стивенсон с замиранием сердца ступил на железные ступеньки, ведущие вниз.

Чернокожий капитан в синей рубашке с короткими рукавами встретил его внизу трапа. Он протянул руку.

– Вы Стивенсон? Я Армстронг. Это здесь не пригодится.

Он указал на желтый пластиковый спасательный жилет, который майор забыл снять после спуска.

– Где русские? – вместо ответа спросил у него Стивенсон.

Армстронг сразу же обратил внимание на необыкновенное чванство британца.

– Значит, вы к нам на помощь? – Он сдержал свои чувства. – Не стану скрывать, у нас маловато места в кают-компани, но раз уж вы здесь...

– Мне не нужна кают-компания, – отрезал Стивенсон. – Вы нашли их?

– Может, перекусите, а потом поговорим?

– Некогда. – Стивенсон посмотрел на Армстронга как на надоедливую мальчишку. – Сколько прошло времени с момента отплытия «Гепарда»?

Армстронг взглянул на часы.

– Тринадцать с половиной часов...

– Вот видите. За это время они могли пройти с полтысячи миль. Значит нельзя терять ни минуты... Куда идти?

Достигнув двухсотметровой отметки, «Гепард» все еще продолжал погружаться. В этот момент на центральном появился коренастый матрос. Дроздов окинул его взглядом. Был он среднего роста, с широкими плечами и тяжелыми кистями рук, вытянутых по швам синей робы, синий берет блином сползал к тонким бровям. В одной руке матрос держал инструментальную сумку, в другой – пакет с лампочками корпорации «Нанопыль».

– Мать вашу, вы что тут надумали? – выругался он, словно бы обращаясь к разбитой лампочке над графопостроителем, которую тут же принялся заменять. – За каким чертом мы лезем на глубину? Помяните мое слово, добром это не кончится...

Дроздов напрягся. Он не ожидал подобной выходки со стороны простого матроса.

– Заткнись, Рукавишников. – Странно, но в голосе Грубозабойщикова не было укора; видимо, он был благодарен матросу за целительное воздействие шутки. В насыщенную тревогой атмосферу центрального поста он действительно словно бы внес струю свежего воздуха. – А не то то же самое произойдет с тобой... Держимся, Николай? – обратился командир к вахтенному.

Тот поднял палец и улыбнулся. Грубозабойщиков кивнул

и, повернув к себе микрофон, спокойно проговорил:

– Говорит капитан. Доложить о повреждениях.

Тотчас ожил динамик на переборке.

– Докладывает трюмный... – Этот отсек находился как раз над машинным отделением. – Удар пришелся по обшивке в 13-м секторе. Сидим со свечами, кое-что вышло из строя. Но крыша вроде цела.

– Спасибо, Александр. Справитесь?

– Конечно!

Грубозабойщиков включил другой тумблер.

– Кормовой отсек?

– Разве нас не оторвало? – осторожно осведомился чей-то голос.

– Пока еще нет, – заверил Грубозабойщиков. – Есть что доложить, Виктор?

– Все в порядке. Только придется тащить обратно кучу грязного белья.

– Похоже, кто-то обгадился?

– Да есть тут один... – уклончиво прохрипел микрофон.

Грубозабойщиков улыбнулся и отключился. Лицо его оставалось бесстрастным, ни одной капли пота. Сам же Дроздов не отказался бы от махрового полотенца.

– Не повезло, – объяснил командир. – Надо же, как совпало: подводный хребет, которого не должно было быть, температурный перепад, где никто не мог его ожидать, и лед, который тоже подвернулся не вовремя. Не говоря уж о мут-

ной воде, будь она неладна. Теперь надо совершить несколько кругов, обследовать полынью, учесть дрейф, ну и дадим побольше света перед новой попыткой.

Минут десять на глубине пятьдесят метров Грубозабойщиков манипулировал винтами и рулями, пока наконец не изучил очертания полыньи и не нанес их на экран. Потом приказал потихоньку всплывать.

– Тридцать метров, – начал счет офицер по погружению. – Двадцать пять...

– Толстый лед, – завел свою песню Симонов. – Толстый... «Гепард», словно нехотя, продолжал подъем. Дроздов окончательно решил, что в следующий раз, направляясь в центральный, прихватит с собой полотенце.

– Если мы неправильно учли скорость дрейфа, – заметил Грубозабойщиков, – треснемся еще раз... – Он обернулся к Рукавишникову, который все еще возился с приборами. – На твоём месте я бы повременил, Сергей. Побереги лампочки.

– Двадцать метров, – доложил вахтенный. Его ровный голос абсолютно не соответствовал мрачному выражению лица.

– Видимость улучшается, – внезапно произнес Тяжко-роб. – Смотрите...

На экране отчетливо обрисовался верхний край рубки – вода стала не такой мутной. И тут в десятке метров совершенно неожиданно показалась громадная бесформенная ледяная скала.

В балластные хлынула вода. Вахтенному не требовалось никаких приказаний. Если бы лодка продолжала, как в первый раз, всплывать, попав в слои воды иной плотности, они бы опять подпрыгнули вверх; между тем второй удар мог оказаться роковым.

– Семнадцать метров, – доложил офицер по погружению. – Подъем прекращается... – Шум воды, заполняющей цистерны, постепенно затих. – Останавливаемся...

– Шестнадцать...

– Удерживать лодку на этой глубине, – Грубозабойщиков бросил взгляд на экран. – Мы заметно дрейфуем в сторону полыньи... Надеюсь...

– Я тоже, – отозвался Тяжкороб. – Между рубкой и этим проклятым сталактитом зазор не больше двух метров.

– Маловато, – согласился Грубозабойщиков. – Симонов?

– Секунду, товарищ капитан. Не могу разобрать... Нет, понятно, – в его голосе наконец-то прорвалось волнение. – Тонкий лед!

Командир среагировал как автомат. «Стоп всплытие! Задний ход! На глубину!» Дроздов посмотрел на экран. Наискось через весь экран медленно плыла вертикальная стена льда, серым облаком заслонившая чистую воду.

– Теперь потихоньку, – сказал Грубозабойщиков. – Не торопись... Держите камеру на этой ледяной стене, потом разворот вверх.

Снова загудели насосы, откачивающие воду. Ледяная сте-

на метрах в трех от лодки неторопливо проплыла вниз.

– Пятнадцать метров, – доложил офицер по погружению. – Четырнадцать...

– Не погоняйте, – вмешался Грубозабойщиков. – Нас больше не сносит.

– Тринадцать... – Насосы замерли, вода перестала поступать в емкости. – Двенадцать...

«Гепард» застыл, как парящий в воздухе дирижабль. Камера подняла объектив кверху, и теперь отчетливо различалась верхушка рубки и плывущая ему навстречу корка льда. Вновь забурилась вода, наполняя цистерны, рубка почти без толчка соприкоснулась со льдиной, и «Гепард» застыл в неподвижности.

– Отличная работа, – похвалил Грубозабойщиков командира поста погружения. – Теперь только слегка толкнуть плечиком. Нас сносит?

– Курс постоянный.

Грубозабойщиков кивнул. Заработали насосы, теперь уже вытесняя воду из цистерн, облегчая корабль. Время шло, вода вытекала, но ничего не происходило.

Грубозабойщиков подошел к пульту глубины и принялся изучать приборы. Дроздов с опаской ожидал, что он примет дальше.

– Достаточно, – сказал командир. – Иначе взлетим как воздушный шарик. Лед толще, чем мы рассчитывали. Похоже, нужен толчок. Притопи лодку примерно до двадцати

метров, потом дай пузырь как следует в цистерны – и у нас все получится.

Кондиционеры перестали работать. Воздух, а вернее, то, что от него осталось, казался Дроздову густым и горячим. Он осторожно повел глазами по сторонам и убедился, что и все другие заметно страдают от недостатка воздуха, – все, кроме Грубозабойщикова. Майору оставалось только надеяться, что командир лодки помнит, во что обошлось строительство «Гепарда»: что-то около полумиллиарда. Долларов, конечно... Или пятнадцать миллиардов рублей. 15 тысяч человек могли бы за эти деньги получить где-нибудь в провинции по однокомнатной квартире. Целый город.

Тяжкороб сощурил глаза, пряча отчетливую тревогу, даже непрошибаемый Рукавишников застыл, потирая смахивающей на лопату ладонью свой выскобленный до синевы подбородок. В мертвой тишине, наступившей после слов Грубозабойщикова, раздался громкий скрежет, потом все перекрыл шум хлынувшей в цистерны воды.

Все впились глазами в экран. Вода лилась в цистерны, зазор между рубкой и льдиной расширялся. Сдерживая скорость погружения, медленно заработали насосы. По мере того, как они опускались ниже, конус света на льдине от палубного фонаря бледнел и расплывался, потом он застыл, не увеличиваясь и не уменьшаясь. Погружение прекратилось.

– Пора! – скомандовал Грубозабойщиков. – Пока нас снова не отнесло течением.

Послышалось оглушительное шипение сжатого воздуха, вытесняющего из цистерн воду. «Гепард» словно нехотя стал подвсплывать; на экране было видно, как световое пятно на льдине постепенно делается все меньше и ярче.

– Дать пузыря, – приказал Грубозабойщиков.

Готовясь к удару, Дроздов напряг мышцы, одной рукой уцепился за столик, а другой – за вентиль над головой. Лед, видимый на экране, ринулся вниз, навстречу им. Внезапно изображение запрыгало, заплясало, «Гепард» вздрогнул, завибрировал всем корпусом, несколько лампочек погасли, изображение на экране дернулось, пропало, появилось снова – рубка все еще находилась подо льдом. Потом «Гепард» судорожно взбрыкнул, накренился, палуба надавила на подошвы, как скоростной лифт при подъеме. Рубка пропала, весь экран заволокла темно-серая муть. Голосом, в котором все еще чувствовалось напряжение, командир поста погружения твердил:

– Десять метров! Десять метров!.. Мы пробились.

– Что и требовалось доказать, – негромко произнес Грубозабойщиков. – Немного терпения – и дело в шляпе.

Дроздов взглянул на этого пухленького, светловолосого коротышку с добродушным лицом – и в сотый раз удивился тому, как редко железные люди внешне похожи на самих себя.

Перестав изображать из себя героя, он достал носовой платок, вытер лицо.

– Теперь можно и погулять по льду. Давайте-ка убедимся, что держимся прочно.

Добавив еще сжатого воздуха в цистерны, офицер по погружению заявил:

– Теперь никуда не денемся, товарищ командир.

– Поднять перископ.

Снова послышалось шипение. Длинная сверкающая труба выдвинулась из колодца.

Даже не отогнув складывающиеся рукоятки, Грубозабойщиков взглянул в окуляр и выпрямился.

– Как там наверху? Прохладно?

Грубозабойщиков кивнул.

– Ничего не видно. Должно быть, пленка воды на линзах тут же замерзла... – Он снова повернулся к вахтенному: – На десяти прочно?

– На все сто!

– Ну, и прекрасно. – Грубозабойщиков взглянул на боцмана, надевавшего тяжелый овчинный тулуп. – Как насчет прогуляться, Эдик?

– Сейчас, товарищ командир... – Эдуард Тверской застегнул тулуп и добавил: – Только немного уберусь на мостике.

– Зачем? – возразил Грубозабойщиков. – Лед слишком толст; скорее всего, он развалился на крупные куски и свалился в воду.

В ушах закололо от перепада давления – открыли люк. Щелкнул еще один фиксатор, и они услышали голос боцма-

на в переговорной трубе:

– Наверху чисто.

– Поднять антенну, – скомандовал Грубозабойщиков. – Дмитрий, распорядись, чтобы радисты включили передатчик. Пусть стучат, пока пальцы не отвалятся... Мы останемся здесь, пока не подберем всех с буровой.

– Если на ней кто-нибудь уцелел, – бросил Дроздов.

– В том-то и дело, – согласился Грубозабойщиков, не решаясь взглянуть майору в глаза.

Все моряки мира считают подводников людьми особого сорта, а сами подводники такими людьми считают акустиков.

Армстронг видел, что акустик мичман второй статьи Берни Фактороу находится в своем обычном состоянии. Зажмурив глаза и навалившись грудью на заваленный приборами стол, он слушал Баха на своем портативном плеере. Фактороу принадлежал к тому типу меломанов, для которых важно было не только то, что исполняют, но также кто, как и на каких инструментах.

Армстронг прощал ему его странности. Например, акустик никогда не ходил на берег в военной форме, и хотя девушки находили его интересным, он не обращал на них внимания.

– Не стоит пренебрегать практической пользой от эксцентричности, – напоминал себе Армстронг брошенную кем-то фразу. Он знал истинную цену Фактороу. За время патрулирования лодки в заданном районе Баренцева моря акустик настолько свыкся с окружающей его обстановкой, что различал всех обитающих там тюленей по кличкам. Он прислушивался к звукам моря с той же тщательностью, с какой слушал свои записи.

Фактороу пришел во флот после четвертого курса консерватории. Аскетизм флотской службы настолько пришелся по

душе музыканту-недоучке, что он продлил контракт. Кроме того, надо было подзаработать денег для дальнейшей учебы.

Высокий, худой, светловолосый Фактороу состоял из рук и ног. Его густые русые волосы, которые он даже не пытался причесать, торчали во все стороны. Время от времени, согласно Уставу, он подстригал их и иногда даже пользовался расческой, когда она была под рукой, но делал это очень редко.

Транс, в котором находился Фактороу, продолжался 15 минут – несколько больше, чем обычно. Акустик откинулся назад и зажег сигарету.

– Кажется, что-то есть.

– Что именно? – спросил Армстронг, отрывая голову от подголовника кресла. Он знал, что Фактороу тревожить по пустякам не будет.

– Пока не знаю, – акустик снял большие плотные наушники и протянул их командиру. – Хотите послушайте сами, сэр.

Армстронг надел наушники и закрыл глаза, пытаясь сконцентрироваться только на слуховых ощущениях. Сначала это был слабый низкочастотный звук или только шумовой фон – командир не мог точно решить. Затем он перешел в биения. Армстронг слушал несколько минут, потом снял наушники и покачал головой.

– Появился с носовой антенны, – доложил Фактороу.

Он имел в виду многофункциональную параболическую антенну диаметром 5 метров, плотно облегающую нос кораб-

ля. Она предназначалась как для активного, так и для пассивного пеленгования. Кроме того, с ней были связаны два сонара, расположенные по бокам лодки. С помощью такой механической системы, скопированной с органов чувств акулы, создавалась триангуляционная сеть, позволяющая определять координаты любой запеленгованной цели.

– Потерял... потом снова... потом опять потерял, а теперь вот вернулся, – продолжил Фактору. – Определенно это не винт, не кит и не рыбный косяк... Больше похоже на звук двух столкнувшихся металлических шаров... Появился и исчез... Где-то к северо-западу между нами и полюсом.

Это значило, что источник звука находился не так уж и далеко.

– Давай-ка поглядим на этом, – предложил командир, указав глазами на осциллограф. – Говорят, он настолько чувствителен, что улавливает даже стоны затонувших кораблей...

Фактору подключил выводы от своего ларингофона к осциллографу. На экране запрыгали колеблющиеся синусоиды. Покрутив в течение минуты ручки настройки, он добился устойчивой картинки волны с переменной амплитудой.

– Нерегулярный...

– Да, странно, – согласился Армстронг. – После удара звук идет как периодический, а картина выглядит нестационарной.

– Знаете, что? – Фактору встал.

– Что? – оживился Армстронг, подавшись к нему корпусом.

– Пойду-ка я послушаю Баха. Без него с этой чертовщиной не разберешься....

Армстронг знал, что Фактороу был прав – нужно передохнуть, но командиру не подобало во всем соглашаться с подчиненным.

– Обожди, давай еще попробуем... – он кивнул на компьютер.

Фактороу молча вытащил штеккер из осциллографа и подключил к компьютеру.

– Что мне нравится в электронике, – сказал он. – Три месяца – и устаревает...

Он имел в виду самый современный быстродействующий компьютер фирмы «Интел» с тактовой частотой 10 000 МГц, оперативной памятью 240 терабайт и скоростью пять петафлокс, которым их оснастили перед выходом в плавание. В память процессора были заложены все возможные звуки, издаваемые плавающими телами, существующими в природе, – от моторной лодки до русского авианосца «Петр Великий» включительно. Компьютерная программа, разработанная институтом сейсмографии Принстонского университета, предназначалась для прогнозирования землетрясения на основе малейших подвижек земной коры.

Процессор защелкал, подбирая ближайший по спектральной характеристике шумовой объект.

Через 12 секунд на экране высветился ответ.

– М-да, – протянул Фактору. – «Аномальный сигнал естественного происхождения, идентифицирующийся как удар железистого метеорита массой две-три тонны о лед». Пожалуй, включу-ка я все-таки Баха.

Он не доверял компьютерам – это было ясно. Как можно доверять калькулятору, работающему по заранее заданному алгоритму? Каждый день он слышал шумы, которые ни одному компьютеру и не снились.

Армстронг зажег еще одну сигарету. Действительно, компьютер имел неприятную привычку принимать все аномальные сигналы за звуки естественного происхождения.

– Но ты заметил, что частота достаточно низкая? – спросил он. – Как на вале турбины при запредельном режиме работы машины?

В этот момент в помещение акустической вошел Стивенсон с чашкой чая в руке. У британца была удивительная способность чувствовать, когда где-то что-то происходит.

– Шел мимо, – сказал он, – дай, думаю, зайду. Что-нибудь нашли?

Он присел на кушетку.

– Видите ли, получили сигнал, – объяснил Армстронг. – Компьютер утверждает, что это падение метеорита.

– А Берни не хочет согласиться с компьютером? – с усмешкой спросил Стивенсон скорее утвердительно, чем вопросительно – он уже хорошо узнал норы акустика.

– Точно, сэр, как вы догадались? – Фактороу изобразил на лице удивление. – Я не знаю, что это, но могу спорить – не метеорит.

– Опять в штыки с машиной?

– Метеориты такой массы падают один раз в сто лет. Кроме того, мне кажется, он все-таки искусственного происхождения...

Фактороу готов был спорить с любым командиром, хотя и служил уже четвертый год во флоте. Он не считался с тем, что экипаж лодки должен быть как одна семья, где командир – отец, старпом – мать, офицеры – старшие школьники, а матросы и мичманы – младшие дети. Кого капитан хочет слушать, он слушает, кого нет – отправляет к старпому. Фактороу был единственным, кто на правах капризного ребенка требовал, чтобы его выслушали.

Армстронг задумчиво кивнул.

– Хорошо. Идентифицируйте и доложите.

Должно быть, так и должен выглядеть ад, подумал Дроздов, выбираясь на мостик. Не огненный, раскаленный, каким привыкли его представлять, а настоящий, жуткий, сверкающий, загробное царство вечного, нескончаемого холода. Такого холодного, что не отличить от пламени. Но, пожалуй, пламя все-таки предпочтительнее...

Стоя на мостике, Дроздов и штурман Ревунков медленно превращались в ледышки. Зубы стучали часто и бешено. Перед заступлением майор решил надеть сапоги, стоящие у штурманского стола. Это были сапоги старпома на четыре размера больше его ноги. В промежуток он натолкал тряпок и тряпок, но все равно это не спасало от холода.

В их задачу входило засечь сигнальную ракету. Если запустить шар-зонд в такую лунную ночь, как сейчас, его можно заметить с расстояния в десятки километров, а если прикрепить к нему осветительную «люстру», то расстояние удвоится.

Представший перед ними ландшафт, если можно дать такое определение стыллой, бесплодной, однообразной пустыне, казался каким-то древним, чуждым миром и производил жутковатое впечатление. Небо было безоблачным и в то же время беззвездным. На севере, низко над горизонтом, смутно виднелась тусклая луна. Никакой белизны, только тьма

царила вокруг. Казалось бы, озаряемый лунным светом лед должен был блестеть, сверкать, переливаться, точно подвески в хрустальной люстре – но вокруг господствовал непроглядный мрак.

Они стояли на мостике, в десяти метрах над уровнем льда. Очертания «Гепарда» терялись в проносившейся под ними льдистой поземке. Временами, когда ветер усиливался, морозная круговерть поднималась выше и, беснуясь, набрасывалась на обледенелую рубку. Острые иголки жалили незащищенные участки кожи, точно песчинки, с силой вылетающие из пескоструйки. Правда, боль под анестезирующим воздействием мороза быстро стихала, вскоре они вовсе перестали ее ощущать. Как только ветер ослабевал, грохот льдышек стихал, и в наступавшей тишине слышалось только злое шуршание, точно полчища крыс метались в слепом исступлении у ног. Термометр на мостике показывал 42 градуса мороза.

Непрерывно дрожа, офицеры притопывали ногами, хлопали себя по бокам и все равно беспрестанно дрожали. Брезентовый навес плохо защищал от ветра. Дроздов мог бы соскочить с подножки и спрятаться под козырек мостика, но в последнюю секунду удержал себя. Где-то там, в этих скованных морозом просторах, затерялась кучка потерявших всякую надежду людей. Неужели их жизнь должна оборваться от того, что он просмотрит сигнал? Они до рези в глазах всматривались в даль, в ледовые дюны – только резь и слезы

в глазах. Лишь лед, лед и лед – все кругом точно вымерло.

Наконец подошла смена. Они поспешили вниз, с трудом сгибая задубевшие от мороза конечности. Грубозабойщиков сидел на раскладном стульчике рядом с радиорубкой. Дроздов стащил верхнюю одежду, защитную маску и очки, схватил невесть откуда взявшуюся кружку дымящегося кофе и постарался унять судорогу, охватившую тело, когда кровь быстрее побежала по жилам – замерзшие руки стали отходить.

– Как это вы умудрились порезаться? – озабоченно спросил Грубозабойщиков. – Весь лоб в крови.

– Наверно, кусок льда... – Дроздов чувствовал себя изнуренным до крайности, настроение у него было подавленное. – Мы напрасно теряем время. Если бурильщики лишлись укрытия, у них нет связи. Без еды и укрытия едва ли они смогли выдержать хоть несколько часов. Я через тридцать минут сам едва не отдал концы.

– Как знать, – задумчиво проговорил Грубозабойщиков. – Вспомните Конюхова и экспедицию «Комсомольской правды». До полюса они добивались пешком.

– Это совсем другое дело. Они шли полярным днем, им светило какое-никакое солнце. Во всяком случае, для меня даже полчаса вахты – слишком много.

Грубозабойщиков всмотрелся в его лицо бесстрастным взглядом, старательно пряча свои чувства.

– Так вы что, не очень-то надеетесь на успех?

– Если у них нет укрытия, почти не надеюсь.

– У них есть аварийный запас батарей. Эти батареи сохраняют заряд несколько лет. Похоже, они пользовались именно ими, когда посылали свой первый сигнал несколько дней назад. Не могли же их запасы так быстро кончиться.

– Дело не в аккумуляторах, а в людях. Если они погибли...

– Согласен с вами, – спокойно сказал Грубозабойщиков. – Мы действительно зря теряем время. Так что, сматываем удочки и возвращаемся? Если не удастся запеленговать буровую, мы никогда не сумеем их отыскать.

– А вы не забыли о предписании из Полярного, товарищ командир? – возразил Дроздов. – Вы обязаны предоставить мне все средства для достижения цели, за исключением тех, которые угрожают безопасности корабля. Я готов рискнуть. Если пешком прочесать местность в радиусе двадцати километров, возможно, наткнусь на буровую. Если из этого ничего не получится, будем искать новую полынью. Конечно, шансов мало, но они есть.

– И вы считаете, что это не угрожает жизни моих людей? Отправляться на поиски в ледяную пустыню в разгар зимы...

– О том, чтобы подвергать опасности жизнь ваших людей, не было и речи.

– Выходит, вы собираетесь идти в одиночку? – Грубозабойщиков посмотрел себе под ноги и покачал головой. – Не знаю, что и сказать. Одно из двух: либо вы сошли с ума, либо они там... – Тяжело вздохнув, он испытующе уставился на

Дроздова.

– Я не люблю бросать дело, даже не начав его, – заявил майор. – И меня не интересует, как относятся к этому на Северном флоте.

Грубозабойщиков еще раз скептически взглянул на него.

– Подводников не так-то легко вывести из себя. Думаю, вам лучше поспать пару часов, пока есть такая возможность. Если вы собираетесь отправиться на прогулку к Северному полюсу, это не помешает.

– А вы сами? Вы ведь всю ночь не сомкнули глаз.

– Пока погожу, – он кивнул в сторону радиорубки. – Вдруг все-таки поймем что-нибудь новенькое.

– А что передает оператор?

– Сигнал вызова и просьбу сообщить свои координаты. Кроме того, просьбу пускать ракеты, если есть такая возможность. Если что-то станет известно, тотчас дадим вам знать. Спокойной ночи, Андрей Викторович.

Дроздов с трудом поднялся и отправился в каюту.

Атмосфера в кают-компании изменилась. За столом собрались все офицеры «Гепарда», за исключением дежурного офицера и вахтенного механика. Одни только что покинули койки, другие собирались отдыхать, но все были молчаливы и замкнуты. Разговоров почти не было слышно. Даже доктор Кузнецов, всегда такой оживленный, хотя и был под хмельком, как обычно, выглядел сдержанным. И без слов было ясно: контакт с буровой не установлен. И это после пяти часов

непрерывной работы!

Уныние и безнадежность тяжело нависли над кают-компанией; все осознали, что с каждой минутой у бурильщиков остается все меньше шансов на спасение.

Мало-помалу офицеры разбрелись по отсекам, а доктор Кузнецов стал принимать больных. Молодой торпедист старлей Микоян наблюдал за работой своих подчиненных, которые вот уже два дня по двенадцать часов без перерыва копались в торпедах, отыскивая неполадки; третий помощник подменил стоящего на вахте Тяжкороба, трое других валялись по койкам. В каюте остались только трое – Грубозабойщиков, Ревунков и Дроздов. Несмотря на то, что Грубозабойщиков так и не прилег за всю ночь, у него был ясный взгляд хорошо отдохнувшего человека.

Ревунков как раз принес еще один кофейник, когда в коридоре вдруг послышался топот и в кают-компанию ворвался радист.

– Есть! – с ходу закричал он, а потом, спохватившись и вспомнив о субординации, уже тише продолжал: – Мы их засекли, товарищ командир. Засекли!

– Что? – мгновенно вскочил со своего места Грубозабойщиков.

– Установлен радиокontakt с буровой, – уже вполне официально доложил радист.

Резко сорвавшись с места и опередив Ревункова, Грубозабойщиков ворвался в радиорубку. Оба дежуривших опе-

ратора сидели, пригнувшись к передатчикам, один чуть не уткнулся лбом в шкалу, другой склонил голову набок, словно это помогало отключиться от внешнего мира и сосредоточиться на малейшем шорохе, долетавшем из плотно прижатых головных телефонов. Еще один что-то машинально чертил в журнале записи радиограмм, повторяя снова и снова: 5461, 5461. Это был ответный позывной буровой.

– Мы засекали их, товарищ командир, это точно. Сигнал очень слабый и неустойчивый, но...

– Да плевать, что слабый! – забыв о субординации, воскликнул Ревунков. Он тщетно пытался скрыть волнение. – Пеленг! Вы взяли пеленг? Вот что важно!

Второй оператор развернулся вместе с креслом. Он с укором уставился на Ревункова.

– Как же иначе, товарищ капитан-лейтенант? Первым делом. Ноль-сорок шесть.

– Спасибо, Зубринский, – сухо заметил Грубозабойщиков. – Ноль-сорок шесть – это юго-восток. Координаты?

Пожав плечами, Зубринский повернулся к своему коллеге, краснолицему мужчине с бычьей шеей, чисто выбритым затылком и сияющей лысиной во все темя.

– Что скажешь, Колян?

– Ничего. Абсолютно ничего. – Колян поднял глаза на Грубозабойщикова. – Я двадцать раз запрашивал их координаты. И все без толку. Они посылают ответный позывной, и только. Вряд ли вообще они нас слышат, даже не знают, что

мы их засекали, – просто шлют свой позывной. Может, радист забыл переключиться на прием?

– Такого не может быть, – возразил Грубозабойщиков.

– Может, Владимир Анатольевич, – сказал Зубринский. – Сначала мы с Коляном думали, что это сигнал слаб, но потом решили, что радист слаб или болен. Любитель, не иначе.

– И как же вы это поняли? – спросил Грубозабойщиков.

– Это... – Зубринский умолк на полуслове и насторожился, вцепившись в руку напарника.

Колян кивнул.

– Слышу, – сосредоточенно произнес он. – Он сообщает... Координаты неизвестны...

Никто не произнес ни слова. То, что радист не знает свои координаты, не имело никакого значения. Главное, они вступили с ним в контакт. Ревунков бросился на центральный. Вскоре они услышали, как он ведет по телефону торопливый разговор с вахтенным на верхнем мостике.

– Попросим их запустить зонд на пять тысяч метров, – решил Грубозабойщиков. – С освещением. Если они находятся где-то в радиусе пятидесяти километров, мы заметим его и примерно определим расстояние... В чем дело, Борисов? – обратился он к матросу, которого Зубринский называл Колян.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.